

Министерство культуры Республики Крым
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Республики Крым
«Крымский университет культуры, искусств и туризма»

ТАВРИЧЕСКИЕ СТУДИИ

№ 27 (2021)

Симферополь

2021

*Рекомендовано к печати Учёным советом
ГБОУВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»
(протокол № 12 от 22.12.2021 г.)*

Редакционная коллегия:

*Главный редактор — В. А. Горенкин, заслуженный работник культуры Республики Крым, кандидат политических наук, доцент,
ректор ГБОУВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»*

Заместитель главного редактора — А. Ю. Микитинец, кандидат философских наук, доцент, проректор по научной работе ГБОУВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Члены редакционной коллегии:

*В. И. Нилова, доктор искусствоведения, профессор
Л. И. Редькина, доктор педагогических наук, профессор
О. В. Романько, доктор исторических наук, профессор
О. В. Резник, доктор филологических наук, профессор
А. В. Швецова, доктор философских наук, профессор
Л. А. Штомпель, доктор философских наук, профессор
О. М. Штомпель, доктор философских наук, профессор
А. Д. Шоркин, доктор философских наук, профессор
Э. Э. Ибрагимов, доктор экономических наук, доцент
Н. Л. Кабачёк, кандидат искусствоведения, доцент
Е. В. Донская, кандидат культурологии, доцент
О. Б. Элькан, доктор искусствоведения, кандидат культурологии, доцент
О. И. Микитинец, кандидат философских наук, доцент
М. Р. Скоробогатова, доктор педагогических наук, доцент
Н. Г. Попович, доктор политических наук, кандидат филологических наук, доцент
А. В. Норманская, кандидат культурологии
С. А. Стасюк, кандидат искусствоведения, доцент*

*Г. Н. Гржисбовская — литературный редактор
В. И. Цирульник — консультант по английскому языку
А. Н. Жаворонков — ответственный секретарь*

Учредитель: Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Республики Крым «Крымский университет культуры, искусств и туризма».

Таврические студии № 27 / ГБОУВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма». — Симферополь : ООО «Антиква», 2021. — 78 с.

Журнал «Таврические студии» включён в национальную информационно-аналитическую систему РИНЦ.

За достоверность информации, содержание статей редакция ответственности не несёт. Мнения, высказанные авторами в статьях, могут не совпадать с точкой зрения редакционной коллегии.

**ВОПРОСЫ
КУЛЬТУРОЛОГИИ И ТУРИЗМА**

УДК 069.53.

Г. А. Абрашкевичус

Визуальные коммуникации в экспозиционной работе музеев: перспективы и проблемы

Статья посвящена рассмотрению визуальной коммуникации в экспозиционной работе музеев. Актуальность темы обусловлена трансформацией коммуникативной структуры музея в новом технологическом пространстве, изучением эффективных направлений реализации в музейном пространстве проекта «Цифровая культура», возникающими проблемами. Визуальная коммуникация как механизм прироста нового знания у посетителей анализируется через интерпретацию визуальных образов в музейном пространстве. Определяется влияние на визуальный опыт познания современной музейной аудитории информационно-коммуникационных технологий и мультимедиа.

Ключевые слова: музей, экспозиционная работа, визуальная коммуникация, визуальный образ, информационно-коммуникационные технологии, мультимедиа.

Актуальность исследования. Музейная сеть Крыма представлена масштабным видовым разнообразием и динамично развивается. Региональные музеи предстают перед посетителями местом представления материального предметного и духовного мира, расшифровки смыслов, знаков и символов культуры. Осуществление в музейном пространстве принципа диалога эпох и поколений путём проведения научных исследований, опирающихся на культурное наследие прошлого, дополняется участием в интерпретациях музейных коллекций посетителей. Современные музеи полуострова берут на себя функции социокультурных институтов, формирующих информационно-коммуникативную среду, в которой визуальная коммуникация также играет важную роль, представляя собой появление долговременных сообщений.

Компьютерные, визуальные средства и инновационные технологии распространя-

ния информации открывают новые возможности для осуществления диалога между зрителем и музейными предметами. В Стратегии государственной культурной политики до 2030 года [2] уделяется особое внимание использованию инновационных информационных и коммуникационных технологий в целях повышения доступности культурных благ, объектов культурного наследия, продукции творческих индустрий. Реализация регионального проекта «Цифровая культура» способствует применению технологий в экспозиционно-выставочной деятельности, в формировании цифровых коллекций музеев с целью совершенствования онлайн-взаимодействия с музейной аудиторией.

Передача информации, её осмысление, интерпретация культурного и природного наследия посредством музейной экспозиции определялось канадским музеологом Д. Ф. Камероном как музейная комму-

никация. Именно данный новый термин, введенный в научную сферу, определил исследования, которые отражали «...потребность переосмыслиения музея как института социальной памяти, участвующего в постоянном диалоге с обществом» [5, с. 53]. Музей рассматривался музеологами как коммуникационная система, отличительными, специфическими чертами которой был её визуальный и пространственный характер. Рассмотрение проблем музейной коммуникации в новом технологическом пространстве дополняется изучением реалий общества информационной культуры.

Проблема исследования: изучение трансформации коммуникативной структуры музея, форм музейного показа в новом технологическом пространстве.

Составная часть музейной коммуникации – визуальная коммуникация - рассматривается как механизм прироста нового знания посетителей посредством интерпретации визуальных образов в музейном пространстве. Это влечет за собой изучение проблем апробации новой модели функционирования музея в публичном пространстве, понимание того, для какой целевой музейной аудитории используется спектр медийных возможностей в экспозиционной работе.

Визуальная коммуникация – канал передачи информации посредством визуального языка знаков, образов, изображений. Это влияет при передаче информации на отбор знаков, которые лучше воспринимаются и запоминаются. Ключевыми для коммуникатора становятся такие элементы процесса музейной коммуникации как целевая аудитория, канал передачи информации, новые коммуникативные знания, контекст.

Степень разработки темы. Теория и практика вовлечения в музейное пространство инновационно-коммуникационных цифровых технологий, мультимедиа, их влияние на музейную коммуникацию, создание новых визуальных образов, статистика и аналитика активности музейного посетителя в процессе интерпретации музейных коллекций, продвижение бренда музея в публичном пространстве рассма-

триваются в работах П. О. Васильевой, А. Ю. Гиль, А. С. Дриккера, Д. В. Качуровской, Е. Н. Мастеницы, Л. Я. Ноль, Ю. В. Пустовойт и других музеологов. Интерес вызывает и разнообразный фактический материал, посвященный коммуникациям в музеях, размещённый на сайте АДИТ (www.adit.ru). Организация представляет собою среду общения технических специалистов и гуманитариев, объединенных идеей сохранения и интерпретации культурного наследия с помощью цифровых технологий. Исследователи подчеркивают прямую зависимость музейной коммуникации от позитивного опыта взаимодействия посетителя с экспозицией, его эмоционального погружения в её содержание.

Объект исследования: музейная коммуникация в новом технологическом пространстве.

Предмет исследования – визуальная коммуникация в экспозиции музея, рас-пространение нового музейного опыта.

Задачи:

1. Рассмотреть изменение форм музейного показа, связанное с внедрением новых информационно-коммуникационных технологий.

2. Изучить потенциал каналов визуальной коммуникации в экспозиционной работе музеев, позволяющий предоставлять посетителям более широкий спектр информации.

Демонстрация достижений информационно-коммуникационных технологий, мультимедиа в сфере музейной деятельности, новый музейный опыт работы с культурным наследием, недвижимыми памятниками, музейными коллекциями свидетельствуют о том, что формы музейного показа изменяются. Передача культурного наследия путём осуществления диалога с музейной аудиторией превращается в динамичный процесс с сотворчеством посредством каналов визуальной коммуникации с музейным предметом. По определению авторов учебно-методического пособия: «Главным каналом реализации коммуникационной функции музея является музейная экспозиция или выставка, позволяющие перенести и погрузить

посетителя в уникальную систему «мира вещей» и «мира идей» как целостной модели культуры» [3, с. 6].

Новые каналы передачи информации, реализация коммуникационной функции музея связаны с визуальным поворотом и визуальной культурой. Визуальный поворот по-новому кодирует современного человека на получение информации. Внимание музейной аудитории, как современных зрителей, также можно переключать с целого на фрагмент и обратно, что позволяет развивать навыки выстраивания причинно-следственных связей. Через визуальный образ можно передавать не только сообщение, но и «ключ» к программе действия. Наиболее удачными вариантами в такой передаче становится опора на известные, близкие по опыту образы в сознании зрителя, уже имеющие положительную окраску для получателя новой информации. Визуальная культура наполняет внутренний мир зрителя визуальными образами, раскрывает способности к созданию собственных «...цельных, истинных и зримых объектов». Создаваемые визуальные образы влияют на человека, формируют его и задают особенности поведения, само- и мировосприятия [2]. Со времен Античности установилось четкое понимание, что на человека оказывает непосредственное влияние то, на что он смотрит. Французский философ Морис Мерло-Понти отмечает, что зрение побуждает движение, влечёт человека вглубь, «...а само видение же оказывается встречей, как бы на перекрестке, всех аспектов Бытия».

В данном контексте первичный визуальный образ, трансформируемый у музейной аудитории под влиянием музейной миссии, выполняемых музеем социальных функций, научной и художественной концепции должен также иметь положительную познавательную окраску для получателя информации. В музейном пространстве визуальный образ, как сложноорганизованный знак, включает в себя совокупность интеллектуальных, ценностных, эстетических и этических моментов, которые само организуются в сознании посетителя посред-

ством ассоциативной связи с увиденным: «Визуальный образ способен вызывать резонансные состояния, позволяющие преодолевать культурные и идеологические ограничения, формировать новые смысловые поля, расширяя возможности познающего сознания, создавая тем самым новые стратегии социального взаимодействия» [2].

Визуальный образ помогает музейной аудитории ориентироваться в окружающем мире. Полученная в музейном пространстве достоверная информация, как извлеченный опыт для себя, позволяет открывать смысловые ключи к пониманию окружающей действительности. Мыслительный образ посетителя, как синтез наглядности и абстрагирования, – экспрессивен, направлен на чувства, способен развивать утончённые ощущения процессов, происходящих в реальной жизни.

Качество новых мультимедийных проектов на Интернет-площадках, масштабность партнёрских программ расширяют сегменты музейной аудитории, её активность. В стратегии государственной культурной политики обозначено: «Для нас жизненно необходимо использовать публичные площадки для возвращения из небытия истинного универсального языка общения человеческой цивилизации – языка культуры. Ведь культурный обмен способствует росту количества средств коммуникации для достижения взаимопонимания и совершенствования знаний между людьми, государствами и цивилизациями» [4]. Распространение образцов нового музейного опыта, апробация моделей функционирования музея в публичном пространстве цифровой культуры, презентации перспективных, высокотехнологичных проектов представлены в экспозиционно-выставочной деятельности, реставрации, рекламной и издательской деятельности. Важным в направлениях брендирования музеев становится степень освещённости в СМИ, информационное присутствие в социальных сетях. Экспозиции и выставки в музеях становятся примерами преемственности памяти, передачи последующим

поколениям социально-важных знаний, признания их обществом.

Информационно-коммуникационные технологии, применяемые музеями, масштабная реализация проекта «Цифровая культура» стали не только инструментами обработки музейных коллекций, они предоставляют широкий доступ к ним, мотивируют развитие музейных учреждений. Происходит модернизация и качественное изменение традиционного музейного пространства, форм показа в нем. В корне преобразовывается научная и художественная концепции, идет процесс переосмыслиния миссии музея. Если в пространстве «классических музеев», ориентированных на презентацию богатейших коллекций, вещи помещены в витринах, на стенах и стеллажах, что отделяет посетителя от мира экспонатов, то в креативных, «живых музеях», принцип построения экспозиций, размещения предметов совершенно иной – «подойди и потрогай». При наличии различий в принципах построения музейной экспозиции есть то, что музеи объединяет – музейная аудитория и технологические возможности достижения максимального погружения в мир предметов коллекции.

Результативность визуальной коммуникации в мультимедийных проектах целиком зависит от обратной связи с музейной аудиторией. Анализ поведения в музейном пространстве, реакция посетителей на визуальные образы выступает критерием эффективности проектов. Создание визуального образа, достижение максимальной выразительности должно учитывать преимущества и особенности музейного пространства, гармонично использовать возможности мультимедиа как комплекса программно-аппаратных средств, реализующих отображение информации в звуковом и зрительных видах. Цель создания визуального образа – эмоциональное воздействие на посетителя посредством звука, цвета и света, а одновременно с этим – формирование знания о предметном мире экспозиции или выставки. Примером может служить научно-исследовательский проект ГМИИ им. А. С. Пушкина «Золото

Трои». Данный проект позволяет создать и использовать музейный мультимедийный аттракцион «3D-реконструкция». Он откроет неизвестные ранее стороны художественного творчества, технологий ювелиров – создателей «клада Приама». Полученное в процессе визуальной коммуникации знание даст возможность через визуальные образы изучить в деталях увиденные артефакты. Иммерсивные практики позволят посетителю ощутить себя великим Шлиманом, музейным хранителем, реставратором, приобрести новые, увлекающие в мир истории впечатления. Знание, полученное через визуальные каналы, органично встраивается в индивидуальную картину мира зрителя, при условии гармоничного сочетания гносеологического фактора и фактора восприятия гедонистического настоящего, стремления к поиску ощущений.

С целью получения полноценного знания и удовольствия от контактов с музейной средой у посетителей становится востребованной комфортная обстановка: система кондиционирования, освещения, кафе, удобство холлов, благоустроенные парковки и т.д. Одним из путей решения проблемы взращивания музеями «квалифицированного потребителя музейных услуг», доступности культурных благ для широких слоёв населения стало разрешение фотографирования, использования гаджетов. Технология дополненной реальности, ресурс платформы «Артефакт» превратили смартфоны в цифровые гиды по музейным экспозициям. Лайки, репосты, оценочные суждения посетителей от увиденного в музейном пространстве, размещенные в соцсетях, стали привычной практикой.

Взаимодействие традиционного и цифрового – новая музейная реальность. В данном аспекте современные музеи становятся более демократичными и лояльными к аудитории, внимательными к эмоциональным переживаниям музейной аудитории от контакта с экспозицией или выставкой. По мнению Д. В. Качуровской: «В современных условиях у музеев появляется ряд новых функций. Более того, меняется сам статус музея. Он приобретает

модальность, присущую медиа, становится площадкой обмена мнений, создает актуальный контент для широких масс, поставляет на рынок экспертов и лидеров мнений» [1, с. 54]. В музейном деле продолжается культурный сдвиг в стратегических подходах: от объектно-ориентированного к ориентированному на музейную аудиторию.

При осмыслиении музейной коммуникации, её составляющей части – визуальной коммуникации в новом технологическом пространстве – возникает ряд вопросов и проблем, требующих разрешения. В век «быстрой» информации негативная для музеев сторона проявляется в активном использовании и распространении недостоверных сведений. Часто интерпретация музейной информации стоит в первом ряду, отодвигая на второй музейные объекты (экспонаты). Визуальная привлекательность подчас приводит к тиражированию откровенных псевдонаучных информационных подделок, однобоких суждений по сложным вопросам, основанных на практике «двойных стандартов». И если инновационные выставочные проекты становятся визуально-пространственным сообщением, содержание которого предназначено для формирования истинного знания у музейной аудитории, то это знание должно раскрываться во взаимодействии с музейными предметами – объектами культурного и природного наследия.

Музей становится специфическим ресурсным центром, «банком информации». Он технический хранитель не только объектов культурного наследия, но и всех знаний, историй, смыслов, связанных с ними. Музейное пространство, наполненное сакральными объектами, актуальными смыслами, отражает ценности и представляет их обществу с помощью экспозиции в виде созданной среды. Главной чертой созданного в музейном пространстве образа является презентация идеального, соединенного с нравственно-этическими и социально-культурными ценностями и оценочными суждениями. Применение самых современных технологий неизбежно, так

как это способствует повышенному интересу, служит рекламой для мобильной молодежной аудитории, последующему привлечению посетителей в музейное пространство. При этом следует учитывать, что изначально музеи, в том числе в Крыму, располагались в неприспособленных исторических зданиях или в дворцах. Потенциал музейного пространства таких музеев не рассчитан на технологическую нагрузку, которую создает применение довольно энергоемкого мультимедийного оборудования. Данное обстоятельство первично нужно учитывать при планировании и построении музейной экспозиции или выставки. Данная специфика должна учитываться и стать приоритетной в вопросах безопасности посетителей, самого здания, экспонатов музейной коллекции.

Выводы. В каждом конкретном случае разработки проекта и создания визуального образа для организации последующей визуальной коммуникации музею необходимо комплексно сочетать классический показ и мультимедийные технологии. Поэтому при разработке научной концепции, тематико-экспозиционного плана следует принимать во внимание ресурсный потенциал музейного пространства, варианты гармоничного использования оборудования, желания и потребности посетителей всех возрастных групп, осознавая их возможности диалога с музейными экспонатами в новом технологическом пространстве.

Визуальная коммуникация в музее представляет собою комплекс уникальных информационных каналов. Изменение современного визуального опыта даёт возможность посетителю, как актору визуальной коммуникации, овладеть новым инструментом познания музейных экспонатов. Путем визуального перемещения можно представить размещение артефактов в разных местах экспозиции, выделять отдельные части, изучать детали. Интерактивные возможности визуальной коммуникации с изображениями позволяют проследить эволюцию предметов с течением времени, сравнить объекты и интерпретировать их

возможности. Совершенные с помощью мультимедиа путешествия в пространстве позволяют получить новые ощущения и впечатления.

Эффективность визуальной коммуникации в музейном пространстве зависит от профессионального умения коммуникатора оперировать на всех уровнях коммуникации целевой музейной аудиторией, каналами передачи информации, коммуникативными знаниями и контекстом. Музей с помощью индивидуальных средств идентификации посетителя может предоставлять ему дополнительную информацию, создавать новые образы и получать обратную связь для совершенствования экспозиции.

Излишнее увлечение количеством сенсорных экранов и мультимедийных

проекторов в музейной экспозиции или на выставке не является качественным показателем интереса посетителя к музею. Мировая и отечественная практика, крымских музеев в том числе, демонстрирует целенаправленное, умеренное, адаптированное и понятное для посетителей внедрение информационно-коммуникационных технологий. Корректное, гармоничное вхождение технологических объектов в сценарий музейной экспозиции или выставки выступает инструментом усиления и распространения на большую музейную аудиторию возможности информационного, познавательного, образовательного и эмоционального потенциала музейной среды.

-
1. Музей в цифровую эпоху: Перезагрузка [Текст]: [6+] / П. О. Васильева, Д. В. Качуровская, А. В. Михайлова, С. Э. Феоктисова. - [Б. м.] : Издательские решения, 2018. - 183, [4] с.: ил., табл.; 22 см.; - ISBN 978-5-4496-1626-5
 2. Земцова Я. М. Визуальный образ в современной культуре: истоки и перспективы исследования // Гуманитарные научные исследования. – 2016. – № 1. – URL: <https://human.sauka.ru/2016/01/13964> (дата обращения: 20.06.2021).
 3. Проектирование музейных экспозиций и выставок : история - теория - практика : учебно-методическое пособие, направление 51.03.04 «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» / А. Н. Балаш, Е. И. Бородина, И. А. Куклинова [и др.] ; ред.-сост. А. Н. Балаш ; Министерство культуры Российской Федерации, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Факультет мировой культуры, Кафедра музеологии и культурного наследия. – Санкт-Петербург : СПбГИК, 2020. – 183 с.
 4. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 г. №326-р: ред. от 30 марта 2018 г. // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации / АО «Кодекс». – URL:<http://docs.cntd.ru/document/420340006> (дата обращения: 17.06.2021).
 5. Словарь актуальных музейных терминов / Авторы-составители: М. Е. Каulen, А. А. Сундиева, И.В. Чувилова и другие // Музей. Москва: Панorama. – 2009. – № 5. – С. 47–68.

The article is devoted to the consideration of the visual communication in the exposition work of the museums. The relevance of the topic gives us the information about the transformation of the communicative structure of the museum in the new technological space, the study of the effective directions for the implementation of the Digital Culture project in the museum space, and the emerging problems. The visual communication as a mechanism for the growth of the new knowledge among visitors is analyzed through the interpretation of the visual images in the museum space. The influence of information and the communicational technologies and the multimedia on the visual experience of the cognition of the modern museum audience is determined.

Keywords: the museum, the exhibition work, the visual communication, the visual image, the information and communication technologies, the multimedia.

УДК 343.9: 004.056

C. A. Буткевич

Предупреждение угроз ментальной безопасности (конструктивный и праксеологический подходы)

В статье охарактеризованы реальные и потенциальные угрозы ментальной безопасности личности и социума, формируемые киберпространством в современных условиях, развитием информационно-телекоммуникационных технологий и ведением гибридных войн. На основании проведенного анализа положений национального и зарубежного законодательства, деятельности правоохранительных органов, масс медиа и интернет акторов, а также научных исследований в этой сфере предложено авторское видение мер по предупреждению угроз ментальной безопасности и обеспечению стабильности развития информационного общества.

Ключевые слова: информационное пространство, кибербуллинг, традиционные и новые медиа, ментальная безопасность, социальные сети.

Введение. Несмотря на значимость и актуальность исследований существующих и возможных угроз в информационном пространстве, обеспечение ментальной безопасности личности и социума как таковое еще не стало отдельным предметом научных изысканий, в том числе в культурологической плоскости. Тем не менее, в III тысячелетии международное сообщество и отдельные страны осознают и ощущают опасность кибернетических угроз, последствий применения гибридных технологий для эскалации напряженности на международной арене и национальном уровне, а также превращения киберпространства в театр военных действий.

Синкритизм **объекта** научной разведки обусловлен не только мультидисциплинарным характером нашего исследования, но и функционированием

информационного пространства в условиях перманентных трансформационных социокультурных изменений, в том числе в глобальном масштабе. **Предмет статьи** – анализ и совершенствование конструктивного и праксеологического подходов к предупреждению угроз ментальной безопасности.

Изложение основного материала. Среди основных угроз ментальной безопасности нами выделены и рассмотрены ниже: кибербуллинг, асоциальная деятельность медиа, низкая медийная грамотность граждан и недостаточная медиаактивность органов власти. Кроме того, подготовлены предложения по предупреждению их детерминант и устранению (минимизации) последствий.

Кибербуллинг встречается на всех без исключения медиа-платформах и проявляется в травле, социальных провокаци-

ях, языке вражды, остракизме и издевательствах в сетевом общении, которым может подвергнуться каждый человек по любому поводу. Но чаще всего потерпевшими от этой вариации виртуального террора становятся дети и подростки. Однако кибербуллинг редко наказуем, поэтому требуется оптимизация механизма привлечения виновных лиц к ответственности, даже если потерпевший не совершил попытку суицида или не призывы к публичной расправе не осуществлены в реальности.

Новая Зеландия считается первой страной в мире, принявшей в 2015 г. закон «О вредоносных цифровых коммуникациях», направленный против кибербуллинга, в целях сдерживания, предотвращения и уменьшения вреда, причиненного гражданам цифровыми коммуникациями, а также возмещения ущерба жертвам вредоносного виртуального общения. При этом, для сетевого общения установлены запреты: на разглашение конфиденциальных сведений и персональных данных о другом человеке; угрозы, устрашение, оскорбления, непристойности, скабрезности, досаждение (хараксмент); ложные утверждения, непроверенные данные; побуждение кого-либо к отправке сообщения человеку в целях причинения ему вреда; склонение к суициду; на дискредитацию по цвету кожи, расе, этническому или национальному происхождению, полу, сексуальной ориентации, инвалидности. Соответственно, к функциям специально уполномоченного органа в этой сфере отнесены: получение, оценка и рассмотрение жалоб о вреде, причиненном цифровыми коммуникациями; при необходимости использование советов, консультаций, посредничества и убеждения для разрешения жалоб; установление и поддержание отношений с отечественными и зарубежными службами провайдеров, хостов онлайн-контента и агентств для достижения целей закона; обучение и консультирование по вопросам политики обеспечения безопасности и поведения в сети Интернет и др. В рассмотрении жалобы может быть отказано или прекращено ее рассмотрение, если

она «тривиальна, легкомыслена или до-садна», ее предмет или характер маловероятно причинят вред какому-либо лицу либо не противоречат принципам коммуникаций.

В окружной суд с соответствующими исками могут обращаться: физическое (пострадавшее) лицо, утверждающее, что ему был или будет причинен вред вследствие цифровой коммуникации; родитель или опекун от имени пострадавшего лица; руководитель школы или уполномоченное им лицо, если пострадавшее лицо является учащимся этой школы и дает согласие на проведение разбирательства; полиция, если цифровая связь представляет угрозу безопасности отдельного лица. При определении возможности причинения вреда постом, суд вправе учитывать следующие обстоятельства: «экстремальность» (радикальность) используемого языка общения; возраст и характеристики жертвы; была ли коммуникация анонимной и многократной; масштаб распространения цифровых сообщений; достоверность распространяемых данных; контекст виртуального общения. За совершение преступлений в данной сфере, включая невыполнение судебных предписаний, санкции предусматриваются для: физических лиц – штраф до 50 тыс. новозеландских долларов или лишение свободы на срок до двух лет; юридических лиц – штраф до 200 тыс. новозеландских долларов [1].

В декабре 2018 г. на Украине буллинг (травля) на законодательном уровне был определен как действия (действия или бездействие) участников образовательного процесса, заключающиеся в психологическом, физическом, экономическом, сексуальном насилии, в том числе с использованием средств электронных коммуникаций, которые совершаются в отношении малолетнего или несовершеннолетнего лица и (или) таким лицом по отношению к другим участникам образовательного процесса, вследствие чего мог быть или был причинен вред физическому или психическому здоровью потерпевшего. К типовым признакам буллинга отнесены: систематичность

(повторность) деяния; наличие сторон – обидчик (буллер), потерпевший (жертва буллинга), наблюдатели – свидетели и (или) непосредственные очевидцы случая буллинга (при наличии); действия или бездеятельность обидчика, следствием которых стали причинение психического и (или) физического вреда, унижение, страх, тревога, подчинение потерпевшего интересам обидчика, и (или) причинение социальной изоляции потерпевшего. Соответственно Кодекс Украины об административных правонарушениях (далее – КУоАП) был дополнен статьей 1734, предусматривающей ответственность за указанный деликт. Среди квалифицирующих признаков – совершение данного деяния: группой лиц или повторно в течение года после наложения административного взыскания; малолетними или несовершеннолетними лицами. При этом административное взыскание может быть наложено и на руководителя учреждения образования за несообщение уполномоченным подразделениям Национальной полиции Украины о случаях травли участника образовательного процесса [2].

Несомненно, противодействие травле несовершеннолетних приобрело особое значение в современных условиях, в первую очередь, в связи с развитием ИТ-технологий и превалированием сферы интересов подростков в киберпространстве [3, с. 447]. Не понятны следующие моменты: во-первых, почему украинский законодатель ограничил сферу осуществления буллинга исключительно физическим миром, подростковым возрастом и образовательным процессом, заведомо исключив различные интернет-площадки, моббинг, места проведения досуга и оздоровления, учреждения спортивной культуры и спорта, улицу и т.д.; во-вторых, помимо систематичности (повторности), к признакам травли могут относиться: продолжительность, целенаправленность и массированность; в-третьих, некоторыми исследователями выделяются и другие разновидности насилия (например, моральное, эмоциональное, кибернетическое, газлайтинг и

др.); в-четвертых, травля может произойти спонтанно, и даже одного раза будет достаточно для негативного влияния на всех ее участников (к примеру, хеппинг); в-пятых, многие из перечисленных деликтов, совершенные, например, группой лиц или в сочетании с физическим насилием, подпадают под действие уголовного закона; в-шестых, одним из субъектов данного правонарушения признаются малолетнее (ребенок до достижения им 14 лет) или несовершеннолетнее лицо в возрасте от 14 до 16 лет, однако это противоречит статье 12 КУоАП, согласно которой административной ответственности подлежат лица, достигшие на момент совершения административного правонарушения 16 лет. Возможно в связи с этим во многих постановлениях украинских судов данные деяния квалифицируются по статье 184 КУоАП («Невыполнение родителями или лицами, их заменяющими, обязанностей по воспитанию детей»), возвращаются в полицию для доработки или прекращаются в связи с отсутствием состава правонарушения. Учитывая изложенное, считаем целесообразным при совершенствовании превенции кибербуллинга выдвигать на первый план вместо правоохранительного сектора и пенализации меры социального и психологического воздействия.

Следующей угрозой ментальной безопасности может быть асоциальная деятельность *традиционных и новых (социальных) медиа*. Как правило, абсолютное большинство экстремистских модусов, проявлений «протестной» активности и фронды «оппозиционностью» в любой стране мира, включая ее информационное пространство, имеет внешние корни воздействия на внутреннюю ситуацию. Так, (про)западными и украинскими медиа ведется форсированная после событий «Крымской весны» (март 2014 г.) целенаправленная деятельность по дискредитации («разоблачению») нашего героического прошлого, искажению известных исторических фактов и событий. Прежде всего, речь идет о таких высокотоксичных мемах, вирусных хэштегах и патогенных неологизмах, актив-

но используемых в социальных медиа, как «победобесие», «нам нечем гордиться», «СССР – инициатор войны (СССР виноват)», «Россия (СССР) – оккупант», «коммунизм = нацизм (фашизм)» [4]. При этом накануне 9 мая наблюдаются повсеместные массированные русофобские атаки на русскоязычный сегмент сети Интернет, линейный рост вброса и распространения такого контента.

Что касается зарубежного нормотворчества в этой области, то в 2017 г. в целях поощрения плюрализма и терпимости, искоренения всех форм дискриминации, ненависти и насилия, основанного на дискриминации, а также сохранения мира, общественного спокойствия и защиты нации был принят Закон Боливарианской Республики Венесуэла «О борьбе с ненавистью для мирного сосуществования и толерантности». Вместе с тем закон, по уверениям президента Н. Мадуро, «...для противодействия кампании ненависти, террора и насилия, поощряемого экстремистскими секторами оппозиции» установил чрезвычайные дискреционные полномочия по цензуре традиционных средств массовой информации (далее – СМИ) и сети Интернет и ввел непомерные уголовные наказания. В частности, правительство может штрафовать и блокировать интернет- сайты при не удалении противоправного контента в течение 6 часов после его размещения, отзывать лицензии аудиовизуальных СМИ, бесплатно использовать радио-, телеэфир для обнародования официальных заявлений и трансляции социальных роликов. При этом, для лица, которое публично или с помощью каких-либо массмедиа поощряет, провоцирует или подстрекает к ненависти, дискриминации или насилию в отношении лица или группы лиц на основе их реальной либо предполагаемой принадлежности к определенной социальной, этнической или религиозной группе, сексуальной ориентации, гендерным идентичности и самовыражению либо любой другой дискриминационной основе, предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 10 до 20 лет [5]. Обратим внимание на то, что

национальный закон идет вразрез с общепризнанными принципами и нормами международного права, не применяя за данные преступления сроков давности.

Ни в коем случае не умаляя роли и значимости правоохранительной деятельности в сфере обеспечения ментальной безопасности граждан и общества, полагаем целесообразным постепенно смещать акценты в этом сегменте национальной безопасности. Другими словами, необходим поэтапный переход от специальных полицейских операций по изъятию электронных носителей информации, судебных запретов деятельности экстремистских организаций и их идеологии, ужесточения санкций в этой сфере к культивированию *медиаграмотности (медиакомпетентности) населения*. К схожим выводам приходят и другие исследователи [6, с. 200–202; 7, с. 349–351], которые также настаивают на соблюдении баланса между применяемыми ограничительными и стимулирующими мерами для защиты прав и свобод граждан, интересов общества и государства, а также для дальнейшего развития информационного общества. То есть речь идет о развитии сознательной и патриотической медиа аудитории с (про)активной гражданской позицией, формировании в социуме представлений о правилах цифрового коммуницирования (кибердентологии), современной медиа реальности и месте личности в ней, способностей мыслить критически и самостоятельно, адекватно и ответственно пользоваться информационными продуктами. Конечно утопия, но, по нашему мнению, в развитой информационной среде сознательные члены общества должны самостоятельно и инициативно осуществлять проверку потребляемого контента (факчекинг).

Излишнее доверие к неверифицированным источникам является как следствием данной проблемы, так и причиной отсутствия медиаобразования и медиакультуры, включающих навыки интернет-гигиены, гражданскую сознательность и ответственность за создание, распространение и потребление информационных продуктов. Сегодня многие

граждане, в первую очередь, несовершеннолетние и молодежь, в результате давления информационного шума, официоз часто воспринимают скептически, как фактоиды, и склонны доверять непроверенным источникам или лицам, чья осведомленность в какой-либо теме сомнительна, зато имеются многомиллионная аудитория подписчиков и многочисленные просмотры их контента, а потому личный бренд, хайп, нарциссизм и самопозиционирование достигают апогея, возводятся в настоящий культ, представляются и капитализируются как тренд.

Яркий пример – инфлюенсеры или лидеры общественного мнения. Пользователи доверяют известным блогерам, скандальным тик-токерам, при этом зачастую их искренность, осведомленность и компетентность ничем, кроме утверждений последних, не подтверждается. Размытость критериев достоверности, потеря ориентиров, предубеждение к официальным источникам и традиционным медиа, отсутствие или утрата логики и навыков критического мышления – все это приводит к тому, что «авторитетом» в любом вопросе может стать далекий от темы, но достаточно популярный в социальных медиа человек. Именно поэтому государственная информационная политика, традиционно использующая телерадиоресурсы и печатные издания, малоэффективна, поскольку молодежь остается вне фокуса ее внимания, оставаясь на различных интернет-площадках [8].

Иначе говоря, социальные сети представляют собой виртуальный мир, в котором человек может проводить значительную (иногда – большую) часть своей жизни – общаться со знакомыми, друзьями и коллегами, узнавать и делиться новостями, размещать фотографии, аудио-, видеозаписи, реже – использовать их для образования, работы, заработка. В то же время социальные сети давно стали универсальным и эффективным инструментом для совершения преступлений онлайн и офлайн, позволяя преступникам выбирать потенциальную жертву, без труда собрать необходимую информацию о ней, подготовиться к со-

вершению противоправного деяния, а также выполнить действия, образующие объективную сторону ряда деликтов. Не осознавая очевидный для правоохранителей, культурологов, педагогов и психологов негативный эффект социальных медиа, включая их вседозволенность, анонимность, транстерриториальность, относительную бесконтрольность и, как следствие, киберпреступность и аддикцию, вред психическому и физическому здоровью нации, многие видят в них исключительно позитив. В частности:

– возможность незамедлительно получить социальное одобрение,уважение и понимание окружающих («социальное подтверждение»), благодаря чему индивид чувствует себя частью социума, без опасения стать аутсайдером;

– высокую вероятность быстро «подружиться» или понравиться. Однако у индивида, постоянно получающего признание таким образом, постепенно происходит отрыв от реальности. Это также может проявляться в нежелании что-то делать самому, а наблюдать за чьими-то действиями или эмоциями онлайн (лайсплей, «распаковка», «реакт» и др.);

– реальные перспективы быстро решить личные и коллективные проблемы благодаря краудсорсингу, благотворительности, оперативному сбору средств, советам, консультациям, юридической помощи, волонтерству, подписанию различных петиций, защите памятников природы и объектов культурного наследия, поиску домашних питомцев и т.д. [9];

– самостоятельность выбора «друзей», подписок и прочего контента, де-юре рекомендуемого (де-факто навязываемого) инфлюенсерами, модераторами сайтов, социальными сетями, поисковыми системами и новостными агрегаторами. По сути, речь идет даже не о создании иллюзии независимости и автономности пользователя, а о полноценном конструировании его повестки дня. Особую актуальность этот вопрос приобретает в условиях ведения информационных или гибридных войн [10, с. 55–56], включая избирательный процесс. Так, последняя президентская предвыборная кампания в

США наглядно показала, как слаженная, технически сложная и высокоорганизованная деятельность ботов и поддельных аккаунтов (по различным оценкам – более 50 % всего веб-трафика), новостных агрегаторов, пропагандистской машины и лоббистов (в данном случае русофобских) при поддержке социальных сетей и поисковых алгоритмов может обеспечить максимальную экспансию, диффузию и «достоверность» ложных сведений и их незаметную, бесшовную интеграцию с правдивой информацией. Следствием фабрикций и манипулирования онлайн-контентом (астротурфинг, дискредитация оппонентов, увод онлайн-обсуждений от спорных и проблемных тем, флуд и др.) стало искажение медиа- и интернет-ландшафта, в результате чего у электората сформирована необходимая модель поведения и обеспечена победа на выборах Д. Байдена.

Считаем, что саморегулирование социальных сетей и других интернет-площадок пока осуществляется малоэффективно, в связи с чем они зачастую становятся источниками появления, рупорами вещания и каналами распространения ложной и недостоверной информации, треш-контента, пропаганды деструктивных идей и радикальных учений, ре-трансляции порнографии и педофилии, формирования моды на криминальную субкультуру, табакокурение, употребление алкогольной продукции, наркотических средств, психотропных веществ и др. Именно поэтому, активно эксплуатируя данный феномен, неразборчивость и злоупотребление медиаконтентом, прежде всего производимым и распространяемым в киберпространстве, политические технологии и социальные инженеры получают плацдарм для осуществления манипуляций с индивидуальным и общественным сознанием. Даже несмотря на то, что в условиях пандемии большая часть протестных настроений и социальных недовольств получила виртуальный интерфейс (видеообращения на различные темы, электронные петиции, флэш-мобы в социальных сетях, онлайн-митинги, виртуальные пикеты и т.п.), данная

угроза ментальной безопасности личности и социума (и, как следствие, национальной безопасности) конкретна, реальна и репрессирована.

Учитывая изложенное, отметим, что особую значимость приобретает проактивная позиция национальных лидеров в информационном пространстве, в первую очередь подразумевающая их медиаактивность. Несмотря на бытоущее мнение о пассивности и инертности российских органов власти в медиапространстве, наши зарубежные партнеры придерживаются обратной точки зрения. Так, в специальном докладе Центра глобального взаимодействия (GEC) российская экосистема дезинформации и пропаганды определена как совокупность официальных, опосредованных и неподтвержденных каналов связи и платформ, которые Российской Федерации используют для создания и усиления ложных нарративов. Данная система зиждется на пяти столпах: официальные правительственные коммуникации (официальные заявления, выдержки из них и цитаты, посты на официальных сайтах и страницах в социальных сетях); финансируемые государством сообщения иностранных и отечественных СМИ, международных социально-культурных институтов для международной аудитории; культивирование прокси-источников (выпуски, ориентированные на Россию с глобальным охватом либо на конкретную зарубежную аудиторию, на региональных языках; умышленное или непреднамеренное распространение информации); превращение социальных сетей в оружие (инфилтрация сетевого общения, кампании по подрыву веры в демократические институты, ослаблению международного доверия и сотрудничества, усилию протестной активности и гражданской розни); кибернетическая дезинформация (хакинг, фальсификации, дезорганизация работы официальных сайтов противника или независимых медиа).

В докладе, размещенном Государственным департаментом США, утверждается, что Россия несет персональную ответственность за культивирование этих

тактик и платформ в рамках своего подхода к использованию информации в качестве оружия. Для этого вкладываются огромные средства, используются пропагандистские каналы и разведывательные службы, доверенными лицами осуществляется вредоносная кибер деятельность для содействия дезинформации, а для распространения ложной и недостоверной информации используются маскирующиеся под новостные сайты масс медиа и исследовательские институты. Изученная экосистема, по мнению GEK, включает как источники дезинформации и пропаганды – официальные правительственные заявления, финансируемые государством медиа выпуски, прокси-сайты, боты, фейковые пользователи социальных сетей, кибердезинформационные операции и т.д., так и применение различных тактик, что дает ей 3 очевидных преимущества. Во-первых, комбинирование многочисленных вариаций одних и тех же ложных фактов как в мирное время, так и в условиях конфликта, что позволяет каждой из составляющих экосистемы подстраивать свои дезинформационные нарративы под целевую аудиторию. Во-вторых, возможность власти делать правдоподобные опровержения, если прокси-сайты распространяют откровенную дезинформацию и опасную пропаганду, а потому оставаться вне критики, сохраняя стратегическую точку зрения. В-третьих, обеспечение устойчивости и создание эффекта мультиплексора масс медиа среди различных столпов экосистемы, с повышением их охвата и резонанса [11].

Общеизвестно, что такую тотальную дезинформационную и массированную пропагандистскую кампанию ведет не Российская Федерация, а коллективный запад, не только искажая реальную картину мира в информационном пространстве, но и подвергая неконструктивной критике, необоснованным сомнениям и опровергая наши ключевые достижения (роль во Второй мировой войне, освоении космоса, поддержании миропорядка, прорыв медицины и фармакологии в

борьбе с пандемией, результаты голосований, выборов и др.). А навязываемые всему миру мнимые и даже гротескные либеральные ценности, проецируемые на Россию нетрадиционные духовно-нравственные ориентиры, ставят во главу угла крайний индивидуализм, подразумевая под ним полную свободу личности, в том числе от социума, института брака и семьи. Де-факто это свобода потребительского образа жизни, выбора гендерной ориентации, внешнего облика и т.д., которые без применения контрмер могут привести к моральному разложению и деградации общества, трансгуманизму, разобщению народов, размытию и стиранию национальной культуры, традиций и самобытности российской государственности.

Выводы. Таким образом, в связи с виртуализацией и цифровизацией современного мира для превенции угроз ментальной безопасности человека и социума все страны, так или иначе, стремятся урегулировать сферу использования сети Интернет, но это требует не международного контроля, детальной и жесткой регламентации, а диалога с общественностью и консультаций с интернет-сообществом для того, чтобы государственное регулирование не было чрезмерным и неправомерно ограничивало бы права, свободы и интересы граждан. В то же время любые депривации в киберпространстве должны быть четкими, конкретными, обоснованными, мотивированными, соразмерными и симметричными поставленной цели, а юстировка – согласованной, компетентной, непрерывной, гибкой и адаптивной. Именно поэтому уже несколько лет в России (и ряде зарубежных стран) идет подготовка проекта цифрового кодекса, который должен защитить права граждан в киберпространстве, урегулировать цифровое пространство и информационные технологии, включая цифровую идентичность и обезличивание, сбор и использование пользовательских данных, ограничения на использования искусственного интеллекта, функционирование информационных систем и пр.

-
1. Harmful Digital Communications Bill. – URL: <https://www.legislation.govt.nz/bill/government/2013/0168/latest/096be8ed810d4bae.pdf> (дата обращения: 30.04.2021).
 2. О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины по противодействию буллингу (травле): Закон Украины от 18 декабря 2018 г. № 2657-VIII // Голос Украины. – 2019. – № 11.
 3. Чудина-Шмидт Н. В. Социальные условия формирования экстремальной личности / Н. В. Чудина-Шмидт // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 6 (133). – С. 447–449.
 4. Необычно живые и патогенные мемы. – URL: <http://mospravda.ru/2020/05/08/151242/> (дата обращения: 30.04.2021).
 5. Press Release R179/17. – URL: <https://www.oas.org/en/iachr/expression/showarticle.asp?artID=1082&IID=1> (дата обращения: 01.05.2021).
 6. Торопов С. А. Актуальные вопросы борьбы с преступностью в сфере компьютерной информации / С. А. Торопов, Д. А. Сафонов // Личность в информационном пространстве: проблемы и перспективы исследования: монография под ред. С. А. Буткевича. – Симферополь: ПОЛИПРИНТ, 2020. – С. 198–207.
 7. Токарчук Р. Е. Актуальные проблемы дозволительной роли уголовного закона в предупреждении терроризма / Р. Е. Токарчук // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Международной научно-практической конференции. – Краснодар: КРУ МВД России, 2016. – С. 347–353.
 8. Малькевич: Список информационных угроз добавляется. –URL:https://nom24.ru/info/region_news/malkevich_spisok_informatsionnykh_ugroz_dobavlyatsya/ (дата обращения: 30.04.2021).
 9. Киберпозитив: 3 главных плюса социальных сетей. – URL: <https://lady.mail.ru/article/519135-kiberpozitiv-3-glavnih-pljusa-sotsialnyh-setej/> (дата обращения: 01.05.2021).
 10. Коноплева А. А. Гибридность современной цивилизации / А. А. Коноплева // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. – 2018. – № 4 (69). – С. 53–61.
 11. GEC Special Report. – URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/08/Pillars-of-Russia's-Disinformation-and-Propaganda-Ecosystem_08-04-20.pdf (дата обращения: 30.04.2021).

The article describes the real and potential threats to the mental security of the individuality and the society which is formed by the cyberspace in the modern conditions, as well as the development of the information and the telecommunicative technologies and the hybrid warfare. It is based on the analysis of the provisions of the national and the foreign legislation, the activities of the law enforcement agencies, the mass media and the Internet actors. The author offers the author's vision of measures to prevent threats of the mental security and to ensure the stability of the development of the information society.

Keywords: the informational space, cyberbullying, the traditional and new media, the mental security, social networks.

УДК 130.2:81-139

A. A. Коноплёва

Семиотический анализ идиоматических выражений¹

Новизна исследования состоит в применении семиотического подхода к анализу идиом. Отмечается, что лингво-культурологический анализ фразеологизмов допустим только при условии рассмотрения устойчивых выражений как соединения сразу трех знаковых систем. Понимание идиоматических выражений обеспечивается при условии наличия знака, десигната, а также умения интерпретатора и воспринять заложенную в идиоме идею.

Ключевые слова: идиома, текст, знак, символ, семиотика, культура.

Нематериальная культура является той сферой, трансформации в которой не только сложны для переживания, но и чреваты рядом серьезных последствий: начиная с изменений в индивидуальном сознании, заканчивая глобальными ментальными трансформациями. К нематериальной сфере культуры относится язык, жизнеспособность которого определяется умением культурной системы адаптироваться к требованиям конкретной эпохи и служить способом удовлетворения коммуникативных потребностей конкретного народа [4]. Вместе с тем, по мере интенсификации социальных отношений, значения, закладываемые в языковые формы, претерпевают фундаментальные трансформации, которые усложняют процесс истолкования первоначального смысла.

Трудности перевода касаются, прежде всего, устойчивых выражений, однозначная трактовка которых не всегда соответствует прямому смыслу. Русский язык, несмотря на лексическое богатство, отличается высокой степенью образности, что предполагает частое включение в литературную и разговорную речь идиоматических форм. Это значительно усложняет процесс освоения языка, поскольку для понимания смысла многих слов и выражений мало хорошего владения лексикой и грамматикой, нужно в процессе мышления также учитывать особенности менталитета и обладать знаниями его семиотических форм. Для современного мира, переполненного непониманием, разрывом с традицией и утратой ценностных ориентиров данная проблема приобретает особую актуальность.

Согласно применяемой в культурологии градации культур на высоко контекстуальные и низко контекстуальные, которые отличаются используемым контекстом, русская культура относится к

¹ Исследование выполнено в рамках реализации проекта «Формирование устойчивых мировоззренческих принципов у современной молодежи Республики Крым в условиях вызовов ментальной безопасности» при поддержке Государственного совета Республики Крым.

высоко контекстуальным. Это означает, что знание только языка не позволит понять смысла сказанного. Этим фактом объясняется и обилие идиоматических выражений, к которым средства прямого перевода не могут быть применены.

В этой связи именно фразеологизмы на сегодняшний день часто становятся объектом для изучения филологов, культурологов и исследователей, пытающихся рассмотреть проблему идиоматических выражений в разнообразных дискурсах. Невзирая на устойчивый интерес к проблеме, по-прежнему остается большое количество дискуссионных вопросов. Споры вызывают не только проблемы интерпретации фразеологизмов, анализ выражений сам по себе (И. Е. Колесникова [3]), но и история их возникновения (В. В. Виноградов [1], Н. М. Шанский [11]), типология (Е. В. Донская [2]), а также возможность проведения сравнительного анализа идиом различных языков (Т. Е. Краутман [5], К. В. Манерова [7]). В частности, последняя проблема имеет наибольшую значимость в контексте данного исследования, поскольку позволяет глубоко понять возможность и необходимость реализации семиотического подхода, способного вывести интерпретацию фразеологизмов на уровень знаково-символических культурных систем.

Таким образом, **цель** исследования состоит в рассмотрении специфики применения семиотического подхода при изучении фразеологических оборотов. **Задачи** научного исследования сводятся к анализу семантических характеристик фразеологизмов, изучению их выразительных свойств, специфики конструируемого образа, а также роли искусства в понимании идиом. **Новизна** исследования обусловлена попыткой применения в большей степени рас пространенного в культурологической науке семиотического подхода к анализу проблем лингвистического толка, предусматривающих изучение идиоматических выражений, а также оценки эффективности использования средств искусства для понимания языковых форм.

В толковом словаре С. И. Ожегова семиотика представляет собой науку, изуча-

ющую знаковые системы [8]. Российский культуролог Е. В. Донская настаивает на том, что объектом изучения семиотики является культура как текст, и отмечает первостепенность знаковых проявлений [2]. Следует отметить, что семиотическое понятие текста в культурологии отличается глубоким смыслом и не сводится только лишь к «запечатленной в устном или письменном виде речи» [9]. В основе текста в семиотике лежит язык искусства: живописи, танца, музыки, литературы, смысл и значение которого проявляются в художественном образе.

В соответствии с семиотическим подходом выделяются пять типов знаков. Естественные, или натуальные, связаны с природными процессами и являются «знаками-признаками», предвещающими естественные процессы (молния, радуга, след животного). Функциональные знаки содержат подробную информацию об определенной деятельности. Иконические знаки связаны с созданием подобия предмета, его имитации. Таковыми можно считать живописные произведения, стремящиеся к точному копированию предметов. Конвенциональные знаки основаны на условно принятом соглашении о введении системы обозначений, понятной ограниченному количеству лиц. В частности, к конвенциональным знакам относится и русский язык, становление которого является естественным процессом. Знаки-индексы предполагают абстрактное начертание, которое может не связывать изображение и его смысловую нагрузку [2].

Если для культурологии больший интерес представляют иконические знаки, позволяющие глубоко окунуться в мир искусства, то в контексте данного исследования изучение следует построить на пересечении сразу трех типов знаковых систем: иконических, конвенциональных и знаках-индексах. Подобный синтез обусловлен спецификой образования идиом.

Опираясь на определение Н. М. Шанского [11, с. 140], отметим несколько характеристик фразеологизмов, которые позволяют идентифицировать особенности их интерпретации. Во-первых, фразеологизму свойственна целостность,

что означает невозможность отдельного употребления слов, входящих в состав идиомы, с сохранением контекста использования всего выражения. Данную особенность определил один из родоначальников отечественной фразеологии В. В. Виноградов, отметив, что значение фразеологизма «...не определяется значением входящих в него слов, взятых по отдельности» [1, с. 140]. Безусловно, фразеологизмы свойственны сложные знаково-семиотические свойства, связанные с наслаждением эпох, стилей, культур. К примеру, множество идиом русского языка заимствованы из художественных произведений. Выражение «любви все возрасты покорны» из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина употребляется в разговорной речи в нескольких контекстах: в случае, когда необходимо подчеркнуть то, что любовь приходит к человеку в любом возрасте, или же, в измененном виде [10, с. 184], означая любовь к чему-либо – любви к стихам все возрасты покорны [10, с. 184]. В случае с подобными выражениями создается четко выстроенный художественный образ, обладающий художественной ценностью. В этом случае фразеологизм воспринимается как символ, наполненный совокупностью смыслов.

Во-вторых, фразеологические обороты всегда состоят из двух или более независимых словарных единиц, положение которых в предложении или словосочетании, как число и род, четко определены. К примеру, выражение «кот наплакал» не употребляется во множественном числе или при указании на женский род. В данном случае семиотическое толкование возможно сквозь призму особенностей знаков-индексов, предполагающее абстрагирование от прямого контекста и представления того, сколько слез у кота. Токование таких идиом невозможно без обращения к фразеологическому словарю, поскольку дословный перевод этих устойчивых выражений не возможен: «...символ, представляя собой законченный текст, может не включаться в какой-либо синтагматический ряд, а если и включается в него, то сохраняет при этом

смысловую и структурную самостоятельность» [6, с. 192].

В-третьих, интерпретация идиомы предполагает разгадывание культурного кода. К примеру, выражение «бедность не порок» предполагает противопоставление бедности и порока и несет утешительный смысл для того, кто стыдится своей бедности или же в тех случаях, когда сам человек хочет подчеркнуть свое безразличие к материальному положению. Объяснение данной идиомы невозможно без знания особенностей истории и культуры русского народа. В противовес западному менталитету, где более логичным является выражение о том, что ум и бедность не совместимы («если ты такой умный, то почему такой бедный»), в России богатство ассоциировалось скорее с духовными, нравственными категориями, в то время как зажиточность часто вызывала осуждение. Слово мещанство и сегодня употребляется в негативном значении.

В классических исследованиях формирование языка напрямую зависит от культуры – именно поэтому культура и ее различные проявления становятся универсальным способом для понимания языка без осуществления перевода. Более того, культура, а особенно искусство, толкователи языка способны наделить его большим значением, чем изначально предполагалось. Язык не просто дает возможности для реализации общения, он одновременно ограничивает наше восприятие действительности, подчиняя его логическим законам, и систематизирует, представляя для использования готовый перечень словоформ. Искусство же разрушает ментальные границы. Об этом в большей степени говорит культура постмодерна, где активно применяется роль интерпретатора, призвание которого состоит в переосмыслинении авторских идей.

Попытки изобрести универсальный лингвистический инструмент общения различных народов обернулись неудачей. Поскольку такой язык уже создан – это искусство. Искусство является уникальным универсальным языком, понятным для каждого. Живопись, музыка, скульптура

передают смыслы посредством тех идей, которые они собой выражают, значения, которое имеют в разрезе развития цивилизации, ценности для человечества в целом. Используя понятные всем образы, искусство обеспечивает связь как между разными культурами, так и в межпоколенческом контексте и обеспечивает понимание даже самых чуждых явлений.

В условиях развития современного общества, основанном на эффекте массовости, формула «язык-культура» потеряла свою актуальность. И сегодня скорее можно представить следующую схему взаимосвязи: «культура – язык – культура». Это предполагает то, что язык не перестает быть выразителем культурных форм, отражая особенности бытия народа, подчеркивая его ментальность. Но в то же время, образование языковых форм создает предпосылки к новым проявлениям культуры.

Состоительность данного предположения подтверждается анализом картины известного голландского художника Питера Брейгеля Старшего. Художник всегда отличался искрометным чувством юмора и способностью видеть то, чего не видят другие. Яркая палитра голландского фольклора воплотилась в картине «Фламандские пословицы», написанной в XVI веке по мотивам распространенных в обиходе идиом. Художник создал полотно, высмеивающее человеческие пороки. Таким образом, народная мудрость, безусловно, базирующаяся на полученном жизненном опыте, в дальнейшем увековечивается в живописи. На сегодняшний день некоторые идиомы забыты, соответственно не все сюжеты полотна могут получить расшифровку. Однако примечательно, что остаются эпизоды, получающие поливариантную трактовку и на сегодняшний день обретающие современное значение. Более того, остается актуальным перевод иллюстраций поговорок Брейгеля и на другие языки мира.

Визуализируя и дословно передавая смысл пословиц и поговорок, автор стимулирует воображение личности, надстраивая смысл над уже существующим текстом. В результате осмысления изо-

бражаемого современниками происходит сопоставление проблематики, поднятой Брейгелем и актуальной для XVI века, а также насущных тем.

Невзирая на то, что представленные голландским художником идиомы отражают мудрость его народа, они касаются, по сути, идентичных проблем и даже становятся созвучными нашим выражениям («бросать свиньям маргаритки» / «метать бисер перед свиньями», «вставлять палки в колеса» и др.). Но для иноязычного зрителя смысл большинства утверждений становится ясен скорее в результате наличия визуализации, нежели художественного перевода. К примеру, выражение «сидеть в золе между двух стульев» интерпретируется как проявление нерешительности в чем-то, принятие неправильного решения или упоминание момента, «надевать на мужа синий плащ» – обман и измену жены.

Пример с живописью Питера Брейгеля Старшего показывает возможность реализации принципа, в котором культура (а точнее искусство) становится средством выражения языка.

Таким образом, в силу постоянных трансформационных процессов, проведение анализа идиоматических выражений по-прежнему остается перспективным направлением в относительно новом научном направлении – лингвокультурологии. Проведенный семиотический анализ идиоматических выражений дает основания утверждать, что для реализации процесса понимания изучаемых языковых форм наиболее эффективным является комплексный подход, позволяющий, с одной стороны, рассмотреть семантические особенности, используя передачу значения самого выражения, а с другой, опираясь на ассоциативный ряд, возникающий в воображении.

Еще родоначальник семиотики в России Ю. М. Лотман писал об обязательности архаического элемента в символе. Историзм наделяет возможностью сохранять «свернутые мнемонические программы текстов и сюжетов» [6, с. 191] возникающие в устной памяти народа. Основываясь на суждении исследователя,

можно предположить, что сама по себе идиома является знаком, а то значение, которая она в себе несет, уже претендует на характеристики символа. Наслоение эпох и смыслов делает фразеологиз-

мы семиотической системой, в которой важно как наличие знака и десигната, так и умение интерпретатора воспринять и «прочитать» заложенную в идиоме идею.

-
1. Виноградов В. В. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов // Избранные труды. – М., 1977. – 312 с.
 2. Донская Е. В. Основные понятия семиотики. Семиотический анализ и синтез художественных образов / Е. В. Донская. – Симферополь: Полипринт, 2019. – 180 с.
 3. Колесникова И. Е. Взяточничество в современных русских пословицах и поговорках // Актуальные вопросы права и правоприменения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – 2020. – С. 141-142.
 4. Коноплева А. А. Реализация статико-динамических свойств языка как элемента культуры в условиях его современных функциональных трансформаций // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2020. – № 1 (254). – С. 149-155.
 5. Краутман Т. Е. Основы техники перевода текста закона с английского языка на русский // Казанская наука. – 2020. – № 3. – С. 81-83.
 6. Лотман Ю. М. Символ в системе культуры / Ю. М. Лотман // Избранные статьи. Т. 1. – Таллинн, 1992. – С. 191-199.
 7. Ожегов С. И. Словарь русского языка. URL: <https://tolkovyj-slovar-ozhegova.slovaronline.com/> (дата обращения 13.09.2020).
 8. Толковый словарь Ушакова. URL: <http://slovariki.org/tolkovyj-slovar-usakova/33303> (дата обращения 13.09.2020).
 9. Фелицына В. П., Прохоров Ю. Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь / Под ред. Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова. – М.: Издательство «Русский язык», 1979. – 240 с.
 10. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М.: 1996. – 274 с.

The novelty of the research consists of the application of the semiotic approach while examining the idioms. It is noted that the linguistic and cultural analysis of the phraseological units will be permissible only in considering the stable expressions as a combination of three sign systems at once. The understanding of the idiomatic expressions is provided that there is a sign, the designation, as well as the ability of the interpreter that can perceive the idea inherent in the idiom.

Keywords: the idiom, the text, the sign, the symbol, semiotics, culture.

УДК: 304.4

B. A. Сазонова

Охрана нематериального культурного наследия и формирование идентичности региона: точки соприкосновения и перспективные направления взаимодействия

В статье рассматриваются особенности интеграции мер охраны нематериального культурного наследия (в соответствии с определением ЮНЕСКО) в культурные проекты и региональные бренд стратегии, анализируются возможные точки их пересечения в производственных циклах, а также выявляются перспективные вектора совершенствования этого направления деятельности.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие, охрана культурного наследия, региональная идентичность, коммодификация наследия, брендинг территории, популяризация наследия, культурный проект.

Пристальное внимание к проблемам сохранения локальной самобытности и стратегиям охраны нематериального культурного наследия (далее – НКН) появляется в федеральной и региональной повестке в начале 2000-х годов на фоне осуществления целого ряда мер (в том числе законодательных), направленных на поддержку российской культуры, искусства, народных художественных промыслов и охрану объектов культурного наследия. Нематериальная компонента культуры в отечественном правовом поле рассматривается в едином комплексе с материальным наследием. Это объясняет отсутствие системного подхода к выявлению объектов НКН, а также размытость критериев их идентификации и мониторинга (в особенности, в контексте влияния последствий социокультурных трансформаций, происходивших в Рос-

сии на протяжении XX века, на аутентичность объектов НКН). Фрагментарное внимание к сохранению и воспроизведству «живого» наследия в федеральных целевых программах, отсутствие или недостаточная разработка подобных мер на региональном уровне, а также внутриотраслевые проблемы сферы культуры (включая активное проникновение в эту область новых агентов из смежных сфер и влияние их деятельности на состояние объектов НКН и осведомленность аудитории об этом наследии) делают данное направление исследований **актуальным** как с теоретической, так и с практической точек зрения.

Стимулированию дискурса о необходимости разработки специализированных программ и концепций охраны НКН в Российской Федерации способствовало принятию Международной конвенции об

охране нематериального культурного наследия ЮНЕСКО, основанной на ценностном подходе. Согласно ей охрана НКН – есть «принятие мер с целью обеспечения жизнеспособности нематериального культурного наследия, включая его идентификацию, документирование, исследование, сохранение, защиту, популяризацию, повышение его роли, его передачу, главным образом с помощью формального и неформального образования, а также возрождение различных аспектов такого наследия» [8, с. 3]. Несмотря на то, что Россия не стала участником конвенции, Концепция сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на период 2009–2015 гг. [5] использует терминологию ЮНЕСКО.

Помимо влияния доминирующих культурных практик (особенно когда речь идет о малочисленных народах в регионах с выраженным мультикультурным разнообразием), глобализации, миграционных процессов и интенсивной кросс-культурной коммуникации на воспроизведение и передачу наследия, изменение роли культурных институций в локальном развитии и социальных процессах, формирование сообществ, активное использование семантического потенциала территории и «гения места» в частных и коммерческих проектах, способствующих устойчивому развитию региона и формированию его туристического бренда, делают проблему охраны НКН, сохранения аутентичности контекста его бытования и соблюдения интересов носителей ещё более острой.

При интеграции локальной культурной идентичности, неотъемлемой частью которой является НКН, во «внутренний уровень» бренда региона или конкретного проекта [1] встает вопрос соотношения мер охраны наследия, социальных целей и социальной значимости реализуемых проектов с их коммерческими интересами.

В Оперативном руководстве ЮНЕСКО по выполнению Международной конвенции об охране нематериального культурного наследия указано, что такая

деятельность может способствовать повышению осведомленности о НКН, уровню жизни его носителей и выразителей, способствовать экономическому развитию, сплочённости сообществ и снижению социальной напряженности, но не должна угрожать жизнеспособности наследия и исказить его смысл и цели [9, с. 65]. Деятельность по повышению осведомленности об объектах наследия (как в культурных проектах, так и в сфере коммуникаций, медиа и при его использовании в других секторах) не должна приводить к утрате контекста бытования НКН, каким-либо проявлениям дискриминации сторон коммуникации, недобросовестному использованию элементов наследия и чрезмерной коммерциализации [9, с. 59]. Тем не менее, в отечественной и мировой практике коммодификации НКН исследователи отмечают проблемы, связанные с опасностью утраты самобытности наследия [4, с. 10–11] вследствие его чрезмерной эксплуатации, антропогенной нагрузки и негативного влияния аудитории, не являющейся носителем данного НКН, на его традиционные формы проявления, выражения и аутентичность контекста бытования [10], процессов культурной апpropriации [13] и т.д.

Объектом данного исследования выступает отечественная практика культурного и бренд-проектирования в сфере нематериального культурного наследия.

Предметом исследования являются особенности интеграции охраны НКН в локальные и региональные бренд-стратегии.

Цель статьи – выявить перспективные направления взаимодействия мер охраны НКН и формирования идентичности регионального бренда.

В связи с этим стоит **задача** проанализировать производственный цикл проекта и процесс создания бренда на предмет точек их пересечения с мерами охраны НКН.

По состоянию на 2021 год чаще всего в качестве ядра бренд-стратегии региона и его идентичности выступают традиционные народные промыслы и исторически сложившиеся производства, художе-

ственno-исполнительское и природное наследие, а также культурная память, связанная с историческими событиями.

В культурных проектах, посвященных вопросам наследия, такие составляющие его охраны как идентификация, документирование, исследование, сохранение, популяризация и возрождение отдельных аспектов являются частью производственного цикла.

Как правило, идентификация наследия и анализ возможности его использования для достижения целей проекта осуществляются на до-проектной стадии, вместе с принятием решения о старте работ. Если речь не идет о наследии, включенном в Каталог объектов нематериального культурного наследия народов Российской Федерации (далее – Каталог), то в зависимости от подходов, методологии, авторов и заказчиков проекта выявление объекта НКН и критерии его идентификации могут значительно отличаться.

Исследование наследия, разработка способов его сохранения, актуализации и возрождения утраченных элементов осуществляется на подготовительной стадии проекта вместе с разработкой концепции и содержания, определением функциональной области, целей и задач, маркетинговыми исследованиями, привлечением ресурсов и формированием команды. В случае, если проект предполагает просветительские или образовательные мероприятия, то происходит разработка методик трансляции их разным сегментам аудитории. Степень осведомленности об НКН может варьироваться от полной включенности и принятия его носителей до абсолютного отсутствия первичных знаний у носителей других культур. Документирование нематериального наследия и публикация результатов его исследования осуществляются в зависимости от задач проекта, его принадлежности, авторов и заказчиков, могут быть частью стратегии маркетинговых коммуникаций.

На стадии планирования процессов производства работ осуществляется доработка методологий работы с НКН, завершаются практические исследования

эффективности предполагаемых мер, а также формируется маркетинговая стратегия культурного проекта. Её созвучие или противоречие коммуникативным стратегиям других мероприятий по популяризации этого наследия может оказать существенное влияние на эффективность его охраны как в положительном, так и в отрицательном ключе.

На стадии реализации проекта осуществляются основные практические мероприятия по созданию проекта и его маркетингу, включая меры по актуализации, сохранению и воссозданию утраченных элементов НКН.

Премьера проекта потребителям и заказчикам предполагает усиление маркетинговых и PR-коммуникаций, а также внедрение используемого НКН в современный социокультурный контекст.

Во время основной стадии потребления проекта аудиторией происходит трансляция, популяризация и повышение роли НКН в обществе. В зависимости от уровня и продолжительности проекта, а также значимости объекта наследия эффект данных мероприятий может варьироваться по качеству и продолжительности.

Дополнительный всплеск интереса аудитории к наследию происходит на стадии завершения проекта в связи повышением интенсивности маркетинговых и PR-коммуникаций. Затем проводится анализ результатов проекта, включая исследование изменений в проблемной области, в предпочтениях аудитории и её сегментировании, а также анализ эффективности всех использованных каналов коммуникации.

Процесс создания бренда имеет похожие этапы с функциональной точки зрения, но не совпадает по своим временным параметрам с проектными стадиями.

При формировании локального или регионального бренда подготовительный этап включает первые четыре стадии из выше указанных. Если провести аналогии, то проведение маркетинговых исследований, определение проблемного поля бренда и формирование его «внутреннего уровня» (устойчивые признаки, свойства, ценности, которые опираются

на региональную историю и мифологию, ментально-поведенческие установки и позиции, которые будут транслироваться в процессе коммуникации, потенциальная социальная значимость бренда) осуществляются в период до-проектной, подготовительной и планировочной стадий проекта, а формирование «внешнего уровня» (логотип, стиль, слоган, эмоциональные и функциональные выгоды от поддержки бренда) – во время стадии реализации. На этом этапе происходят исследование наследия и анализ возможности использования его элементов во внутреннем и внешнем уровнях бренда. Если наследие удовлетворяет желаемым параметрам, то производится его интеграция в бренд-код, во «внешний» и «внутренний» уровни. Идентификация и документирование наследия в данном случае осуществляется ситуативно, в зависимости от основания, на котором базируется бренд, его целей и глубины проникновения. В основном, различия могут проявиться в объёме используемой информации. Возрождение различных аспектов НКН может происходить в рамках формирования культурного продукта бренда и его «внешнего уровня».

Меры по популяризации и повышению роли конкретного НКН в современном культурном контексте могут быть включены в ядро бренд-стратегии, поскольку бренд представляет собой «образ марки товара или услуги в массовом сознании, выделяющий её в ряду конкурирующих» [6, с. 95], а брендинг – стратегию «завоевания и удержания рынка путем создания образа «фирменного» товара в сознании потребителей» [2, с. 32] или «процесс создания и управления положительным устойчивым образом продукта и самой компании в восприятии посетителя» [11, с. 28]. В этом направлении подготовительный этап включает формулирование актуальных, конкретных и достижимых целей коммуникации, ограниченных во времени задач, выбор целевых сегментов аудитории, отбор релевантных техник воздействия, способов и каналов коммуникации, создание детального календарного плана работ по

каждому пункту стратегии, планирование бюджета, поиск исполнителей и подрядчиков, определение ключевых показателей эффективности и разработку плана мониторинга и механизма оценки и контроля реализации стратегии, её качественных и количественных результатов. Так же популяризация НКН и повышение его роли становятся следствием реализации бренд-стратегии, даже если таких целей изначально не формулировалось. Кроме того, стимулировать этот процесс могут и сторонние культурные проекты, никак не связанные с данным объектом НКН, на основе вызываемых ими социальных эффектов [12, с. 446].

Реализация бренд-стратегии может начинаться ещё на стадии планирования процессов и производства работ по проекту, а заканчиваться - на стадии его завершения. В этих же временных рамках осуществляется оценка результатов её применения, а также оперативная корректировка действий в случае негативного воздействия факторов внешней среды. В качестве одного из инструментов стратегического планирования и моделирования динамики развития бренда, формирования сценариев его поведения и оценки результатов может использоваться концепция 4D-брэндинга Т. Гэда [3], согласно которой бренд имеет 4 измерения:

1) функциональное измерение (восприятие потребителем, оценка его полезности, того, насколько полноценно он удовлетворяет потребности целевой аудитории, необходимость доработки и т.д.);

2) социальное измерение (идентификация принадлежности к социальной группе через потребление продукта, а также степень консолидации реальной аудитории бренда вокруг него);

3) ментальное измерение (проявление индивидуальности бренда, его способность удовлетворять потребителя в ценностном поле, идентифицировать и поддерживать его);

4) духовное измерение (социально-этические категории).

С помощью этой модели возможно оценить сильные и слабые стороны бренда, создать его бренд-код, то есть диффе-

ренцировать и позиционировать бренд на рынке среди множества других, включая прямых конкурентов.

На этапе реализации бренд-стратегии может происходить трансляция наследия посредством каналов коммуникации, в точках контакта [7] и в процессе потребления брендированного культурного продукта. Возникающее у аудитории чувство сопричастности может стимулировать возрождение отдельных элементов НКН, однако соответствие этих практик критериям аутентичности сложно установить.

Сохранение нематериального наследия в его изначальном виде при формировании идентичности региона и его бренд-стратегии представляет одну из важнейших задач. С одной стороны, возникновение бренда на основе наследия позволяет говорить о гарантированных перспективах сохранения данного элемента культуры, с другой стороны её реализация во многом зависит от степени коммерциализации, от соблюдения баланса между интересами бизнеса и интересами НКН, от ответственности авторов и управляющих.

При рассмотрении возможностей интеграции практических мер, составляющих охрану НКН, по определению ЮНЕСКО, в региональные бренд-стратегии, возникает вопрос: как осуществлять защиту нематериального культурного наследия при реализации данных стратегий и проектов?

Меры охраны НКН, включая его сохранение и защиту, находятся в ведении государственных регуляторов и связанных с ними культурных институций. Для успешного осуществления этой деятельности необходимо расширить участие и консультативную работу данных структур в проектах, связанных с «живым» наследием, которые осуществляются другими участниками рынка. Особенно в деятельности по региональному брендированию, где требуется исключить формирование спорных симулякров, основанных на наследии, так как в некоторых случаях это может привести к возникновению этнонациональной

напряженности. Также необходимо расширить существующие форматы мероприятий, внесенные в государственные программы поддержки культуры в части, касающейся нематериального наследия – создать единый комплекс мер, который бы охватывал все его составляющие, не ограничивая данное направление работой с декоративно-прикладными и исполнительскими искусствами.

Выводы. Таким образом, интеграция мер охраны НКН в культурное и бренд-проектирование является перспективным направлением защиты нематериального наследия в случае, когда эти меры используются на основе разумного баланса между интересами культурного элемента, его носителей, устойчивого развития региона и коммерции. Подобные инициативы способствуют повышению осведомленности о НКН среди широкой аудитории, его актуализации и включению в современные культурные практики, возрождению утраченных элементов, а также формируют общественный запрос на туристические услуги, связанные с данным наследием. В зависимости от структуры проекта или бренда возможно осуществление идентификации, документирования, сохранения и исследований НКН, а также его трансляции в рамках коммуникативных стратегий и проводимых мероприятий. Защиту и мониторинг состояния наследия необходимо осуществлять на государственном уровне.

В качестве перспективных векторов совершенствования деятельности по культурному и бренд-проектированию в сфере наследия можно выделить: работу с регулированием влияния антропогенной нагрузки на места традиционного бытования НКН и его локальную контекстуальность (включая вопросы логистики, навигации и туристического обслуживания), создание персонализированного контента для разных сегментов аудитории (включая инклюзивные мероприятия, формирование лояльности аудитории и создание чувства сопричастности), а также увеличение количества и повышение качества цифровых проектов.

-
1. Аакер Д. Создание сильных брендов. М: Изд. дом Гребенникова, 2008. — 439 с.
 2. Абанкина Т. В. Социальный маркетинг в «цивилизации досуга» // Музеи. Маркетинг. Менеджмент. Практическое пособие / Под ред. Дукельского В., Никишина Н. А., Фокс С., Кози С. – М.: 2001. – С. 28-45;
 3. Гэд Т. 4D брэндинг: Взламывая корпоративный код сетевой экономики. М: Манн, Иванов и Фербер, 2005. – 232 с.
 4. Карпова Г. А., Хорева Л. В. Коммодификация нематериального культурного наследия в системе услуг культурного туризма // Сервис в России и за рубежом. – 2016, №9 (70). – С. 6-14.
 5. Концепция сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на период 2009–2015 гг. // Министерство культуры РФ. М., 2004-2021. – URL: https://culture.gov.ru/documents/ob_utverzhdenii_kontseptsii_sokhra354038/ (дата обращения 18.05.2021).
 6. Крылов, И. В. Маркетинг: социология маркетинговых коммуникаций: монография: учеб. пособие / И. В. Крылов. – М.: Центр, 1998. – 188 с.
 7. Манн И., Турусин Д. Точки контакта. – М: МИФ, 2012. – 156 с.
 8. Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия // Цифровая библиотека UNESDOC, 2003. – URL:https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000132540_rus/PDF/132540rus.pdf.multi (дата обращения 18.05.2021).
 9. Основные тексты Международной конвенции об охране нематериального культурного наследия 2003 г. // Цифровая библиотека UNESDOC, 2018. – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000265942_rus/PDF/265942rus.pdf.multi (дата обращения 18.05.2021).
 10. Сущинская М. Д. Лояльность местных жителей и развитие дестинации // Россия и Санкт-Петербург: экономика и образование в XXI в. Сборник научных трудов по результатам XXXVII научной сессии профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов по итогам научно-исследовательской деятельности университета за 2014 год. – СПб.: СПбГЭУ, 2015. – С. 30-36.
 11. Трофимова А. Бренд-культура как технология повышения конкурентоспособности музея / Музейная коммуникация: модели, технологии, практики/Отв. ред. В. Ю. Дукельский. М: Российский институт культурологии, 2010. – С.25-50.
 12. Шулепова Э. А. Основы музееведения. М: Едиториал УРСС, 2005. – 504 с.
 13. Ziff B., Rao P. V. Introduction to Cultural Appropriation: A Framework for Analysis // Borrowed Power: Essays on Cultural Appropriation. – New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 1997. – 337 p.

The article examines the features of the integration of measures for the protection of the intangible cultural heritage (in accordance with the UNESCO definition) into the cultural projects and the regional brand strategies, analyzes the possible points of their intersection in the production cycles, and identifies the promising vectors for improving this area of activity.

Keywords: the intangible cultural heritage, the protection of the cultural heritage, the regional identity, the commodification of the heritage, branding of territories, the popularization of the heritage, the cultural project.

УДК 130.2

Ю. А. Слободянник

Роль Алупкинского дворцово-паркового ансамбля в формировании культурно-природного ландшафта Крыма

В статье рассматривается феномен дворцово-парковых комплексов в истории и культуре Крыма, их роль в формировании облика Крымского полуострова на примере Алупкинского дворцово-паркового ансамбля — уникального памятника архитектуры первой половины 19 века. Созданный талантом выдающихся мастеров по заказу графа М.С. Воронцова, на сегодняшний день он является одним из ярких примеров культурно-природного ландшафта Крыма.

Ключевые слова: культурно-природный ландшафт, дворец, дворцово-парковый комплекс, Алупкинский дворцово-парковый ансамбль.

Актуальность исследования определяется все возрастающим интересом современного российского общества к истории и культурному наследию. Крым обладает уникальным культурным ландшафтом, формирование которого связано с географическим положением, климатическими условиями, насыщенными историческими событиями. Особые природные условия полуострова и этническое разнообразие стали основанием для возникновения уникального культурно-природного ландшафта Крыма, значимое место в котором отводится дворцово-парковым комплексам. Они выступают неотъемлемым элементом культурного ландшафта полуострова, большая часть которых расположена на Южном берегу Крыма. Каждый объект, несмотря на близкое соседство, отличается своей неповторимостью, специфическими чертами, отражает особенности природного ландшафта, климата, вкусы

и интересы, материальное состояние, семейный уклад владельца, а также культурный контекст эпохи.

Феномен дворцово-парковых комплексов в современном обществе обусловлен их значимой социальной функцией в мировой культуре. Их рассматривают сегодня как ценностный феномен, выполняющий роль транслятора культуры: они повествуют об определенной исторической эпохе, представляют итог творческой деятельности человека, показывают уклад жизни прошлых поколений, обуславливают причастность современного человека к историческим событиям. Все это определяет актуальность исследования феномена дворцово-парковых комплексов с позиций культурологии.

Анализ последних исследований и публикаций

Тема дворцово-парковых комплексов является междисциплинарной, ее аспекты рассматриваются в таких научных

дисциплинах, как история, география, этнография, искусствоведение, краеведение, архитектура, культурология и другие. Теоретические и исторические особенности изучения дворцово-парковых комплексов как феномена культуры разрабатывались в различных исследованиях. И.Е. Забелин, выдающийся русский историк, одним из первых обратился к теме дворцово-парковых комплексов. В его работах приведен детальный исторический анализ развития дворцов, показано место дворцов в жизни русского двора, представлен жизненный уклад русских государей XII-XVII вв.

А. Н Бенуа, известный русский художественный деятель, проводил историко-культурное исследование дворцово-парковых комплексов XVIII в. В его работах исследуется вопрос культурных ценностей царских резиденций, рассматриваются архитектурные характеристики, парковое зодчество, художественные дворцовые коллекции, быт и нравы двора.

Дворцы упоминались также в трудах А. И. Успенского, В. Я. Курбатова, И. Е. Бондаренко, Н. П. Анциферова. Наиболее значительными разработками в области культурологического анализа проблемы дворцов являются работы Е. И. Кириченко.

В современной культурологии накоплен ценный опыт по изучению культурной истории дворцов. Особого внимания заслуживают труды Л. В. Никифоровой [6], посвящённые изучению дворцов в пространстве культуры.

Осмысление парков с точки зрения культурологии, а не с распространенной позиции истории и архитектуры, присутствует в трудах Д. С. Лихачева [5]. Сведения описательного характера о дворцово-парковом комплексе в Алупке представлены в трудах А. А. Галиченко [2], [3].

Объектом данного исследования выступает дворцово-парковый комплекс как феномен культуры, **предметом** – Алупкинский дворцово-парковый музей-заповедник.

Цель данной статьи: на примере Алупкинского парка изучить феномен дворцово-парковых комплексов.

Задачи исследования:

Рассмотреть предысторию возникновения дворцово-парковых комплексов Крыма.

Выявить природные, культурные и художественные предпосылки возникновения Алупкинского дворцово-паркового комплекса.

Показать роль Алупкинского дворцово-паркового комплекса в формировании культурного ландшафта Крыма.

В качестве методологии исследования применяется сравнительно-исторический метод, позволяющий изучить особенности формирования и развития дворцово-парковых комплексов (на примере Алупкинского парка).

Результаты исследования

Рассмотрение дворцово-парковых комплексов следует начать с анализа феномена дворцово-паркового ансамбля. Он представляет собой одну из составных частей культурно-природного ландшафта и является одним из ярких и самобытных явлений. Каждый архитектурный объект (дача, вилла, дворец, дворцово-парковый комплекс), в той или иной степени, представляет историческую и культурную ценность.

Российский гуманитарный энциклопедический словарь определяет архитектурный ансамбль, как «гармоничное единство зданий или сооружений, связанных единством фасадов, стиля, времени или места постройки» [7].

Основополагающей идеей ансамбля является взаимосвязь его элементов. Одной из главных особенностей архитектурного ансамбля является единство художественно-образного выражения. Наряду с единством, он должен обладать и признаками разнообразия. Из этого следует, основное свойство ансамбля – разнообразие в границах единства. Ансамбль имеет неразрывную связь с дворцом, парадное здание всегда окружали рядом построек, увеселительными сооружениями, садом или парком.

Слово дворец происходит от слов «двор», «дом», «княжий двор». Большинство словарей чаще всего определяют дворец как внушительное парадное жилище лица, занимавшего высокое соци-

альное положение, архитектурное сооружение, отвечающее условиям парадности и представительности. В художественном смысле дворец является образцом для подражания. Его старались украсить разнообразными ценными предметами искусства, редкими коллекциями и семейными реликвиями. Исходя из определения, дворец выполняет следующие функции: основного помещения для владельца и членов его семьи, сохранения родовых раритетов, презентации владельца. Парк или сад являлся неотъемлемым элементом резиденции того времени.

В отличие от дворца, который в той или иной степени связан с земным бытием владельца, только парк представляет идеальную составляющую - именно репрезентативную функцию не мог выполнить никакой другой объект. Он является будто обособленным миром в мире, но вместе с тем органично вписывается в единый архитектурный ансамбль. В каждой резиденции парк представляет оригинальную идею, рассказывает неповторимую историю. Каждый фонтан, каждое озеро, каждая поляна и скульптура излагают «историю», написанную гениальным садовником языком символов по заказу богатого хозяина резиденции.

В Крыму одним из таких заказчиков был Михаил Семенович Воронцов, заслугой которого является создание уникального памятника архитектуры первой половины 19 века – дворцово-паркового ансамбля в Алупке.

Дворцово-парковые комплексы Крыма занимают значимое место в развитии русской и мировой архитектуры. Дворцы, парки, усадьбы – достояние нации, они формируют нынешний неповторимый культурно-природный ландшафт полуострова.

Современный культурный образ Крыма – это результат деятельности и взаимодействия многочисленных народов, проживающих на этой земле на протяжении многих веков. Крым стал домом более чем 100 этносов. Присоединение Крымского полуострова к Российской империи (1783 год) дало толчок интенсивному культурному освоению края в

первой половине XIX века. «... с конца XVIII в. по начало XX в., когда к процессу формирования местного культурного ландшафта присоединилась культура России. Этнические культуры народов, населявших к этому времени Крымский полуостров, вступили в диалог с русской культурой, произошло их взаимное обогащение, что привело к возникновению новых культурных феноменов» [1].

В XVIII – XIX вв. проводились мероприятия по освоению и развитию вновь приобретенных южных земель. Период характеризовался изучением природных, климатических, географических и исторических условий Крыма, основанием новых и развитием существующих городов, строительством дорог, пристаней, портов и прочее. Однако процесс превращения Крыма в процветающий регион был сопряжен с многочисленными трудностями, решение которых требовало немалых усилий и капиталовложений. Удаленность Крыма от культурных центров России многих отпугивала.

Большой вклад в обустройство и процветание Крыма внес князь Г. А. Потемкин, а также крупные помещики (А. М. Бороздин, А. С. Голицына и др.). Постепенно интерес к Крыму растёт, благодаря русским и иностранным путешественникам, которые были увлечены новым краем с морем и живописным рельефом.

Современники связывают рассвет поместичьей культуры в Крыму с деятельностью графа М. С. Воронцова. В 1824 г. он становится генерал-губернатором Новороссийского края и в этом же году приезжает в Крым для знакомства с вверенной ему территорией. Будучи человеком военным, практичным М. С. Воронцов прекрасно понимает значение дорог и коммуникаций. Именно с деятельностью графа связано строительство первого на полуострове шоссе, связавшего Южный берег с Симферополем и реализация ряда мероприятий для развития усадебного строительства. М. С. Воронцов владел землями в Гурзуфе, Ай-Даниле, Массандре. Всюду закладывались виноградники. Он стал первым помещиком, организовавшим

винодельческое хозяйство промышленного типа.

К многочисленным заслугам графа следует отнести создание прекрасного дворцово-паркового комплекса в Алупке. Именно строительство майоратного имения Воронцовых становится отправной точкой массового паломничества на крымскую землю русских помещиков, строящих на вновь приобретенных землях свои имения. Для их строительства приглашались лучшие профессионалы: архитекторы, садоводы, строители из России и Европы: В. Гунт, К. Фридрих, К. Кебах, К. Геккель, И. Патер. Первыми архитекторами Южного берега Крыма стали Ф. И. Эльсон, К. И. Эшлиман. Результат их деятельности - создание целого ряда усадеб как в существующих поселениях на побережье, преимущественно на ЮБК, так и в новообразованных городах: Э. Ф. Кесслера в Симферопольском районе, А. С. Мальцова в Симеизе, Л. А. Нарышкина в Мисхоре, Л. Потоцкого в Ливадии, А. С. Голицыной в Кореизе и др. Крымские имения становятся культурными центрами. Часто в родовых имениях проходили творческие вечера, званные ужины, приемы. Каждая резиденция отражала эстетические взгляды, вкусы владельцев, которые выражались в архитектурном оформлении дворца, в планировке и разбивке парков, произведениях искусства, собраниях книг и др.

Культурное освоение местности в небольшом селении Алупка начинается с момента приобретения этих земель М. С. Воронцовым.

До присоединения Крыма к России Алупка была сугубо мусульманским поселением, маленькой захолустной деревушкой. В 1820 году побывал в Алупке А. С. Пушкин, а через 5 лет после него – А. С. Грибоедов, они дивились столь необычному расположению домов и «сплошной густоте садов». После пребывания в скромной деревушке В. Броневский пожелал «...чтобы вельможа со вкусом купил сады и здешнюю красоту – природу» [3].

Приобретая землю в Алупке (1823г.) для строительства майоратного имения с

обширным парком, Михаил Семенович Воронцов объяснял свой выбор «...чрезвычайно богатой по природе местности и наиболее богатой из всех окрестностей, благодаря обилию источников, составляющих необходимые условия для растительности». Неповторимость и разнообразие пейзажа Алупки, романтический характер местности, мягкий климат, плодородные почвы, наличие источников воды сыграли большую роль для создания обширного дворцово-паркового ансамбля. Отдельные элементы природного ландшафта (гигантские каменные глыбы, местные растения) органично вписались в композицию ансамбля. [2].

Граф М. С. Воронцов, видный государственный деятель, военный, получивший прекрасное европейское образование, знаток европейского искусства, повидавший заграничные дворцы и парки монархов, и его супруга Е. К. Браницкая, детство и юность которой прошли в родовом имении «Александрия» выступили авторами целостного дворцово-паркового комплекса [2]. Чета Воронцовых находилась в центре культурных событий, происходивших в жизни России.

По первоначальному замыслу Воронцова дворец должен был быть в классическом стиле, но романтическое настроение эпохи заставило графа прекратить первоначальное строительство. Алупка превращается в феодальный замок в окружении скал. Идею Воронцова в жизнь воплощает английский архитектор Эдуард Блор (в Крыму ни разу не был), один из ведущих зодчих романтического века. Он обращается к ранним ренессансным формам английской архитектуры. Стиль «Тюдор» стал доминирующим в ансамбле Воронцовского дворца. Для строительства имения привлекали лучших архитекторов, садовников, художников и декораторов.

На формирование дворцово-паркового комплекса в Алупке существенное влияние оказало идеально-художественное направление – романтизм, зародившийся в странах Западной Европы на рубеже 18-19 веков. Русский романтизм является частью общеевропейского, но при

этом имел самобытные черты. На смену строгой парадности, ясности, простоте и гармонии классицизма в архитектуру приходит многообразие и контрастность композиции. Специфика природно-географической среды Крыма, особенно Южного берега, с экзотической растительностью, живописным горным ландшафтом, мягким климатом оказалась идеальной для романтического зодчества, что и сыграло важную роль в формировании отличительных черт дворцово-парковой архитектуры 19-го – начала 20 века.

Восточные и западные архитектурные традиции прослеживаются в комплексе зданий грандиозного ансамбля в Алупке. Архитекторам удалось гармонично вписать его в горный природный ландшафт местности. Величественный дворец окружен горами с одной стороны, а другая открыта бескрайним морским далям. Неотъемлемой составляющей грандиозного замысла М. С. Воронцова является обширный парк, который гармонично вписывается в пространство местности. Заслуга создателей единого ансамбля – слияние архитектурных форм с природным окружением.

На формирование Алупкинского парка значительное влияние оказал специфический рельеф местности. Паркостроители не стремились исправить неровности ландшафта, а, наоборот, подчеркивали их разными приемами. В местах природных образований придавали парку вид диких местностей: лабиринты дорожек, уединенные таинственные гроты, большой и малый каменные хаосы, каскады, рукотворные «горные» озера. Внешние вмешательства человека остаются невидимыми для посетителя. Природа в природе – такой был замысел, воплощенный в жизнь.

Парк выполнен в пейзажном, ландшафтном стиле, в основе которого лежит принцип подражания естественной природе, рельефу местности. В подражание естественности создатели его стремились к тому, чтобы парк почти не отличался от окружающей местности, и в нем была бы почти незаметна преобразующая рука че-

ловека – «художника», его создавшая [3]. «Природа, а не искусство – главное в садах» [5].

Уникальным в художественном отношении является Верхний парк. В отличие от Нижнего, в котором с разных точек обзора открывается вид на морские дали, главной доминантой Верхнего парка являются горы. Гора Ай-Петри с успехом заменила обязательные атрибуты парков эпохи романтизма (башни, часовни, руины). Причудливый её силуэт представляется как полуразрушенный замок, внешне напоминающий дворец. Чтобы показать значимость горной вершины, умышлено создавали «рамки», но не искусственные, а живые, из деревьев. Нужно отдать должное строителям парка, уже тогда они знали, как будут выглядеть деревья через 50, 100 и даже 200 лет. Поразительное зрелище. Сегодняшние посетители парка имеют возможность восхищаться обрамлением из кипарисов, сосен и других деревьев практически в первозданном виде и получать эстетическое наслаждение.

Создатели парка руководствовались поэтическим и философским пониманием природы, ее глубинных творческих сил. ...Здесь все согласовано с масштабом человека, все подчинено стремлению вызвать у него чувство неразделимости с миром природы. Деревья не солируют, а как бы слиты в одну общую массу. И даже могила сеттера по кличке Чемблек «мemento mori» не страшит, а лишь навевает мимолетную грусть» [3]. Закономерным является появление в Верхнем парке территории, получившей название Малый хаос, – романтический уголок для уединения среди невысоких скальных нагромождений и естественных гротов, густых зеленых зарослей. Ненавязчиво следуют за рельефом дорожки, ступеньки, подпорные стены.

Паркостроители создали в восточной части Верхнего парка композицию из озер, которым придали вид настоящих, горных (Лебединое, Зеркальное и Форельное), каскадов и водопадов. Несмотря на большое количество рек (около 150), Крым с давних пор испытывает нехватку

воды, поэтому создание в Алупкинском парке различных гидротехнических устройств можно назвать чудом.

От одного из прудов лестница из диабаза ведет вверх к территории Большого хаоса - природного нагромождения камней. Он практически лишен растительности, поэтому кажется диким. На вершине Хаоса, почти на голых скалах, была высажена небольшая сосновая роща, которая придавала пейзажу еще более строгий и суровый характер. Большой Хаос должен пробуждать в зрителе ощущение величия природы. Чтобы добиться такого эффекта, вершину его нарастили, а мелкие обломки убрали. С высоты Хаоса открываются завораживающие виды на горы, море, парк и дворец.

Каскады парка небольшие и очень маловодные, порой они с трудом заметны, доносится лишь шум воды. Звуковые эффекты добавляют в эту часть парка романтическое настроение.

Д. Лихачёв отмечает, что устроитель каждого сада в любом из стилей озабочен прежде всего разнообразием. Стремление к «садовому разнообразию» выражалось, в частности, и в том, что садоводы всех времен стремились к разведению редких сортов цветов, кустов и деревьев. Их привозили из различных стран [5].

Ландшафтный стиль Алупкинского парка позволил широко использовать многочисленные экзотические и местные, аборигенные породы на открытых полянах. География растений в парке обширна - их завозили отовсюду: Америки, Японии, Восточной Азии. Основным поставщиком саженцев был Никитский ботанический сад, оттуда доставляли кипарисы, оливки, фруктовые деревья, виноградные лозы. Специально для Алупки выведена целая серия новых сортов роз. Разнообразие экзотических растений – важная отличительная особенность крымских парков от парков средней полосы России.

Н. С. Всеволжский так описывает парк: «Везде одна природа, но виды беспрестанно переменяются. Каждым пунктом воспользовалось невиданное искусство. С одного места Ай-Петри ужасает

своей огромностью и дикостью, с другой виден истинно царский дворец графа Воронцова. Там видно море во всем его великолепии. Все это изумительно, прелестно, единственно!...» [3].

Уже во время строительства майоратного имения М. С. Воронцова оно привлекало к себе внимание путешественников. В 30-х годах Алупкинский парк выделялся среди южнобережных садов. Он вдохновлял многих художников, писателей, поэтов, художников, музыкантов, государственных деятелей, путешественников. Поэт В. А. Жуковский, посетив Алупку в 1837 году, назвал парк «знаменитым». Особо отмечены «чудные растения, водопады, аллеи и пещеры».

В усадьбе останавливались знатные гости: все русские императоры посетили Алупку. Одни порицали Воронцова за чрезмерную роскошь и расточительность, другие дивились необычным формам дворца и в то же время жалели, что Эдуард Блор «памятник своему величию» создал не в Англии, а где-то в глухой провинции. Зато редкое единодушие проявлялось при оценке парка [2].

Выводы. Дворцово-парковые комплексы Крыма являются неотъемлемой частью культурной среды России. Их развитие проходит, главным образом, под влиянием российской художественной школы, но ввиду живописной окружающей природы, мягкого климата, насыщенного исторического прошлого, появляются прекрасные образцы дворцово-паркового искусства со своими специфическими особенностями, наложившими отпечаток на дальнейшее формирование культурно-природного ландшафта Крыма. Именно своеобразие местных пейзажей сыграло основополагающую роль для развития дворцово-паркового искусства в 19-м – 20 вв. Архитекторы находили способы соединять разнообразные художественные стили, образы с природными формами и создавать дворцово-парковые комплексы, которые воспринимались как неотъемлемая часть местного ландшафта. Одним из первых, кто рассмотрел перспективу развития Крыма, в частности, Южный берег

Крыма был граф М. С. Воронцов. Дитя своего романтического времени, он не мог не оценить всех достоинств данной местности. К многочисленным заслугам графа в освоении Крыма относится создание грандиозного дворцово-паркового ансамбля в Алупке.

Алупкинский дворцово-парковый ансамбль представляет собой органичное единство полноценной архитектуры и высокого паркового искусства. Майоратное имение графа М. С. Воронцова в

Алупке меняет понятие об усадьбе, с этого времени она воспринимается как дворцово-парковый комплекс.

Алупкинский дворцово-парковый ансамбль становится своеобразным «ядром» преобразования «дикой» местности в яркий культурно-природный ландшафт. Он явился образцом, источником вдохновения и дальнейшего развития мысли о дворцово-парковых комплексах.

-
1. Берестовская Д.С. Культурные ландшафты Крыма : коллективная монография / Д. С. Берестовская. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2016. – 380 с.
 2. Галиченко А. А. Алупка / А. А. Галиченко. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2008. – 56с., илл.
 3. Галиченко А. А. Алупка : Дворец и парк: альбом (из истории усадебной культуры Южного берега Крыма) / А. А. Галиченко, А. П. Царин. – Киев : Мистецтво, 1992. – 240 с.
 4. Дорошенкова Г.Н. Из истории усадеб Южного берега Крыма в начале XIX века: / Г. Н. Дорошенкова, Н.Г. Новиженко. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-usadeb-yuzhnogo-berega-kryma-v-nachale-xix-veka>.
 5. Лихачев Д. С. Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей / Д. С. Лихачев. – Л.: Наука, 1982. –341 с.
 6. Никифорова Л. В. Дворец в истории русской культуры: Типологический анализ / Л. В. Никифорова. – СПб.: Астерион, 2006. – 336 с.
 7. Российский гуманитарный энциклопедический словарь. – URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/russian-humanitarian/fc/slovar-192-10.htm#zag-375>.

The article examines the phenomenon of the palace and the park complexes as the part of the history and culture, and their role in shaping the appearance of the Crimean Peninsula. As an example, Alupka Palace and the Park Ensemble is considered - a unique architectural monument of the first half of the 19th century. It was created by the talent of the outstanding craftsmen commissioned by Count M.S. Vorontsov. Today it is one of the most striking examples of the cultural and natural landscape of the Crimea.

Keywords: the cultural and natural landscape, the palace, the palace and park complex, Alupka Palace and Park Ensemble.

УДК 7.02

Ю. Э. Текутьева

Взаимосвязь методов создания художественных произведений и сложности изображаемых образов

Сегодня многими специалистами выдвигается утверждение о необходимости определения взаимосвязей между способами создания и внешним видом произведений искусства для проведения корреляционных параллелей между искусством различных временных периодов и степени изменения произведений с ходом исторического процесса. Исходя из того, что образы в художественных произведениях строятся на основе приёмов и методов, с помощью которых они создаются, можно утверждать возможность проведения сравнения между современным искусством, с учётом особенностей его развития, и историческим влиянием методов создания на произведения искусства. Данная научная работа направлена на определение связи условий, а также способов создания, с визуальным образом завершенного произведения, учитывая исторические, культурологические и социальные факторы отдельных временных периодов.

Ключевые слова: художественные произведения, развитие культуры, история искусства, современные способы создания художественных произведений, влияние современных технологий на процесс преподавания, CGI технологии.

Актуальность. Ведётся научный дискурс на тему степени влияния способов и методик создания произведений искусства на визуальные образы в завершённых работах. Основной причиной активного обсуждения данной проблематики является то, что без знаний об указанной взаимосвязи затруднительно своевременно редактировать образовательные программы с учётом изменений в современных методиках искусства.

Постановка проблемы. Современное образование в сфере изобразительного искусства нуждается в способах определения вектора развития искусства. Это даст возможность наиболее эффективно и своевременно внедрять современные технологии в методы обучения.

Анализ последних исследований и публикаций. Научные исследования на смежные темы данной статьи представлены как в современных работах, так и в более ранних статьях различных авторов. Научными работами, имеющими высокую степень достоверности и актуальности исследований в области влияния технологического прогресса на развитие современной культуры, автор считает статью Н. А. Барбашова, С. П. Рощина «Эффективность технологии дополненной реальности для развития творческого воображения обучающихся на занятиях изобразительным искусством», а также работу М. И. Тупикиной «Создание художественного образа в живописном портрете». В статье Н. А. Барбашова

и С. П. Рошина рассматривается влияние современных технологий на развитие образования и искусства современности [1]. В работе М. И. Тупикиной исследуется развитие различных методик создания портретов, как частного примера изобразительного искусства, на всем протяжении историко-культурного развития этого жанра [5]. Основываясь на результатах исследования, представленных в данных статьях, можно утверждать наличие определённой корреляции в развитии искусства различных временных периодов и необходимости дальнейших исследований по указанному направлению.

Выделение нерешённых частей общей проблемы. Автор систематизирует тенденции влияния методов и методик создания на художественные образы в произведениях изобразительного искусства. На основе систематизированной информации выдвигаются предположения в отношении современных тенденций в развитии изобразительного искусства.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является развитие художественных произведений в исторической перспективе с до античного периода и до современности. Предметом - влияние методов создания художественных произведений и культурных традиций каждого отдельно рассматриваемого временного периода на конечный вид, степень завершенности и прочие особенности художественных произведений.

Цели и задачи. Под целью данной работы понимается определение закономерности влияния методик и инструментов на произведения творцов в исторической перспективе. Под задачей понимается определение и уточнение современных тенденций в искусстве.

Основная часть. Исследование проблемы влияния инструментов и методик на процесс создания произведения искусства невозможно без обращения к прошлому.

Так, в до античную эпоху было принято применять такие методы создания скульптур и изображений: вытаскивание с помощью медной проволоки для соз-

дания скульптур, протачивание бронзовым зубилом дорожек, имевшее место на стенах многих храмов того времени. Подобные методы были широко распространены в Древнем Египте, где созданные вышеуказанным методом дорожки заполнялись красителями для придания изображению большей рельефности и выразительности. Протачивание и чеканка на драгоценных изделиях позволяли создавать узоры и места для фиксации драгоценных камней, а также проволок благородных металлов. Наличие таких методик обеспечивало возможность наносить сложные узоры на стены храмов и выполнять массивные скульптуры из мягких пород камня с инкрустацией изделий драгоценными металлами. Кроме ювелирных украшений и предметов из гранита, примером искусства до античного периода могут служить саркофаги египетских правителей, совмещающие в себе вышеперечисленные способы работы с материалами.

Применение таких методов было связано, в первую очередь, как отмечается многими историками, исследовавшими катастрофу бронзового века (исторический феномен также известный как бронзовый коллапс, связанный с катастрофическими изменениями в общественном укладе, утратой многих производственных и культурных традиций, в том числе письменности, разрушением всех крупных государств и многих городов в XII веке до н. э.). Цивилизации указанного временного периода имели склонность к экстенсивным методам решения задач, выражавшихся через чрезмерное усложнение некоторых технологий [4]. Данное утверждение подтверждается статьёй М. М. Кухтина «Причины и механизмы катастрофы бронзового века», в которой раскрыты основные причины этого события и, в том числе, указаны проблемные факторы методов создания произведений искусства.

Упомянутая выше сложность технологий, а также тот факт, что общество до античного периода сформировалось вокруг традиций, не предполагавших инноваций, приводили к тому, что быстрые

изменения в технологических процессах становились маловероятными. Это позволило сделать вывод, что произведения искусства этого периода тяготели к простым геометрическим формам, монументальность которых должна впечатлять зрителя.

Во времена античности к уже указанным ранее методам были добавлены новые способы обработки мрамора с последующей его окраской. В Древней Греции широкое применение нашла вазопись. Вазы выполнялись из глины, а для их росписи использовался лак. В Римской империи на основе греческих керамических произведений искусства появилась мозаичная керамика. Эти новые методики, а также использование железных и стальных инструментов, позволили создавать скульптуры практически из любых природных материалов. Наличие этих возможностей закономерно облегчило создание сложных мозаичных панно. В античности, с появлением бетона, стало возможным создание монументальных строений (например, амфитеатр Флавиев, известный как Колизей, и многочисленные акведуки). С развитием математики строительство, скульптура и мозаика обрели как никогда высокую упорядоченность форм. Надо также отметить, что архитекторы Древнего Рима создавали колоссальные строения в меньшей степени за счёт греческих архитектурных методов (на основе колонн и перекрытий, уложенных на них), так как потребность в подобных способах значительно снизилась по причине распространения римского бетона, а также применения «сводов на растворе». Примерами подобного можно считать как ранее указанный амфитеатр Флавиев, так и свод Пантеона в термах Агриппы.

Известно, что древнеримская культура была своеобразной калькой культуры Древней Греции, что не могло не отразиться на её различных аспектах, в частности, на методике создания скульптуры. Римские статуи, как и греческие, высекались из мрамора, затем раскрашивались. В то же время нельзя исключать влияние этрусского элемента, в силу чего римская

скульптура приобрела гипер-реалистичную форму (веризм). Так как в Древнем Риме перенимались у других народов только самые эффективные технологии, то становится понятным причина столь бурного развития искусств и архитектуры. Особенностью процесса строительства в античное время было использование труда рабов либо армии, но после падения Римской империи в 476 году н.э. использование технологий, основанных на привлечении большого количества трудовых ресурсов, стало невозможным в связи с отсутствием такого числа населения на территории многих образовавшихся средневековых государств.

В средневековой Европе получили широкое распространение методики литья стекла, что впоследствии сыграло свою роль в остеклении готических соборов витражами и появлении «окна розы». Совершенствовались и архитектурные приёмы (например, нервюрные своды), позволившие облегчить массу стены в готических храмах. Религиозный характер искусства этого периода породил новые методы в создании храмовой скульптуры.

В эпоху Возрождения, с ее антропоцентрическими тенденциями в искусстве, были разработаны и впервые применены техники, позволяющие достичь реалистичного изображения человека на холсте или фреске. Среди них метод математического вычисления пропорций лица, применяющийся Леонардо да Винчи, его же – техника сфумато, гризайль, методики создания композиции полотна по золотому сечению и другие.

Расцвет меценатской деятельности в эпоху позднего Возрождения способствовал развитию сложных, но более совершенных техник живописи, скульптуры и архитектуры, по сравнению с традициями средневекового искусства.

Вышеперечисленные особенности Средних веков привели к тому, что вплоть до Позднего средневековья развитие искусства и архитектуры в значительной мере ограничивалось рамками религиозных взглядов общества. Только в период Ренессанса стало возмож-

ным свободное развитие наук и, как следствие, произошло усложнение методик создания произведений искусства.

Позже, в Новое и Новейшее время, изобретенные прежде методики совершенствовались, дополнялись современными материалами. Новый виток в развитии в этот период получили скульптура и архитектура, что может быть объяснено появлением новых материалов. Так, появление сначала более качественного бетона (чем в прошлые эпохи) и металлоконструкций позволили достичь ранее невозможного по техническим причинам масштабов и сложностей в архитектуре. В живописи началось использование различные по составу химических красок, что связано с открытиями в химии. Развитие точных наук также снизило погрешность в расчётах, что облегчило к XX веку проектирование всё более сложных форм зданий. Изобразительное искусство стало тяготеть не к точной передаче того, что видит художник, а к отображению его эмоций и психофизиологического состояния. Последнее объясняется изменением социальной парадигмы в отношении к феномену «человек социальный», а также поиском новых изобразительных форм и, как следствие, созданием уникального творческого метода. Примерно в этот период и зародился авангардизм. Появившись в XX веке, он стал основой изменений в отношении к новым направлениям в искусстве. Благодаря новаторским подходам авангардистов отрицательные реакции на нововведения в художественных и прочих произведениях сменились сдержаным оптимизмом, который проявился в цифровых технологиях в середине XX века.

Если более детально говорить об аспектах развития самого авангардизма, так как среди научного сообщества отсутствует консенсус по данному вопросу, то становится возможным выделить только несколько популярных точек зрения. По одной из версий, причиной появления данного направления искусства стало влияние сформированных и формировавшихся в данный период истории философских течений, которые указы-

вали на отхождение от принятых норм в искусстве [2]. По другой версии, причина заключалась в желании художников проникнуть в невидимое и скрытое, как это делает наука [3].

Подобные особенности Нового времени стали основой для интеграции новых технологий, методов и методик как в жизнь общества в целом, так и в искусство в частности, что, в свою очередь, способствовало быстрому развитию искусства, основанному на электронной вычислительной технике в Новейшее время

Появление в конце XX – начале XXI века возможности электронного рисования и компьютерного скульптурирования позволило и создавать новые ранее невозможные по техническим причинам произведения искусства. Основой этого стали технологии, сначала появившиеся как вспомогательные способы улучшения кинофильмов, а затем применяющиеся взамен некоторых дорогостоящих декораций. Так, уже в 1973 году в фильме «Западный мир» впервые были применены графические технологии. Ограничивающим фактором стало отсутствие удобного инструментария работы с подобными эффектами, что, несомненно, препятствовало их развитию. Позже, благодаря режиссеру Джорджу Лукасу и созданной им первой в мире студии компьютерных спецэффектов Lucasfilm, появились программы, позволяющие создавать электронную графику. Их развитие продолжалось до 1982 года, когда появился первый фильм, полностью использующий все возможности современной компьютерной графики – «Трон» (режиссёр Стивен Лисбергер). Этот фильм известен тем, что больше половины представленных в кинокартине декораций и одежда актёров были полностью смоделированы и обработаны при помощи компьютерной графики.

Создание такого произведения привело к появлению группы новых технологий, основанных на работе электронной вычислительной техники. Среди них наибольшую популярность получил так называемый CGI (англ. computer-generated

imagery), в буквальном переводе – «изображения, генерированные компьютером») [6]. Как известно, внедрение производных технологий CGI в значительной мере изменило подход многих индустрий к рабочему процессу создания новых произведений искусства. Например, в архитектуре современные здания принято проектировать при помощи 3D моделей, а уже позже, распечатав макет здания на принтере, проводить наглядные испытания. Также данные современные технологии активно применяются как в дизайне интерьеров, так и в качестве основы для создания цифровых 2D изображений.

Наблюдая за процессом интеграции технологий прошлого в искусство на различных этапах его формирования, становится заметным наличие сходства данных процессов вне зависимости от временного периода. Исходя из этого можно утверждать, что процесс взаимного влияния информационных технологий и традиционного искусства займёт длительный период времени, вплоть до полного объединения новаторских и традиционных форм.

Суть подобного взаимодействия можно проследить в процессе преподавания профильных дисциплин, вынужденных меняться под действием реалий современности. Основополагающим фактором в обучении является задача наиболее эффективной трансляции комплексных знаний. Этому требованию соответствуют некоторые информационные технологии и, в частности, CGI. Необходимость применения новых методов в образователь-

ном процессе в контексте преподавания дисциплин из сферы изобразительного искусства неоспорима. Следовательно, для сохранения актуальности преподаваемых дисциплин наиболее pragматичным решением становится использование технологий с применением компьютерной графики для улучшенной демонстрации произведений искусства. Таких как программы для 3D моделирования: Blender, 3DMax, Maya и другие.

Выводы и перспективы исследования. Исторически все новые методы и технологии изначально воспринимались как нечто чужеродное и вредное, но со временем каждая из них находила своё место в произведениях искусства. Подобная ситуация наблюдается сейчас и с CGI технологиями. Они активно развиваются по причине доступности, дешевизны и простоты создания с их помощью произведений, а также благодаря потребности современного общества в массовом производстве продуктов творчества разной направленности. Говоря же про перспективы дальнейших исследований, можно утверждать, что разработка наиболее актуальных и эффективных методов интеграции CGI технологий в процесс преподавания и в само творчество является одним из наиболее востребованных направлений современной культурологии и искусствоведения. Это объясняется их связью в области изучения с самыми перспективными открытиями вышеуказанных дисциплин, обладающих наибольшим потенциалом к раскрытию нового научного знания.

-
1. Барбашова Н. А. Эффективность технологии дополненной реальности для развития творческого воображения обучающихся на занятиях изобразительным искусством / Н. А. Барбашова, С. П. Рошин. – Текст : электронный // В сборнике: современные проблемы высшего образования. Творчество в дистанционном формате: материалы VI международной научно-практической конференции; под общей редакцией С.М. Низамутдиновой. – Москва, 2021. – С. 374–379. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46186523&selid=46186580> (дата обращения: 23.06.2021).
 2. Вакар И. А. Первое объединение раннего авангарда // Третьяковская галерея. — 2013. — № 4 (41). – URL: <https://www.tg-m.ru/articles/spetsialnyi-vypusk-bubnovyi-valet/pervoe-obedinenie-rannego-avangarda> (дата обращения: 01.11.2021).
 3. Культурология в вопросах и ответах: Учебное пособие для вузов / [Драч Г.В. и др.]; Под ред. Г. В. Драча. – 3-е изд. – Ростов на Дону: Феникс, 2003.– 416 с. –ISBN 5-222-03699-5.

4. Кухтин М. М. Причины и механизмы катастрофы бронзового века / М. М. Кухтин // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. – 2018. – № 1. – С. 26-29. – URL:<https://elibrary.ru/item.asp?id=35552178>(дата обращения: 23.06.2021).

5. Тупикина М. И. Создание художественного образа в живописном портрете / М. И. Тупикина. – Текст: электронный // В сборнике: художественно-графический факультет: история и современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 60-летнему юбилею художественно-графического факультета Орловского университета. – Орёл, 2020. – С. 177–181. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45638036> (дата обращения: 23.06.2021).

6. Sondermann,Horst. Light Shadow Space: Architectural Rendering with Cinema 4D (англ.). – Vienna: Springer, 2008. – 238 p.

Today, many experts put forward a statement about the need to determine the relationships between the methods of the creation and the appearance of works of art, to draw the correlative parallels between the art of different time periods and the degree of the change of works with the course of the historical process. Based on the fact that images in works of art are built on the basis of the techniques and methods by which they are created, it can be argued that the comparison can be made between the modern art, taking into account the peculiarities of its development, and how the influence of the creative methods on works of art is occurred. This scientific work is aimed at the determining the relationship of the conditions, as well as the methods of the creation, with the visual image of the completed work, taking into account the historical, cultural and social factors of the individual time periods.

Keywords: the works of art, the cultural development, the history of art, the modern ways of creating works of art, the influence of the modern technologies on the teaching process, CGI technologies.

УДК 338.48

E. A. Тропина

Отдых и оздоровление детей в системе детского туризма России: анализ тенденций и перспективы дальнейшего развития

В статье рассматриваются теоретические аспекты организации детского отдыха и оздоровления в России. Исследован текущий и потенциальный спрос на услуги детских оздоровительных лагерей. Проведён анализ существующих тенденций в сфере детского отдыха и оздоровления в Российской Федерации. Сделаны выводы и даны рекомендации участникам рынка детского отдыха и оздоровления с учётом современных реалий, сложившихся в детском туризме.

Ключевые слова: детский отдых и оздоровление, детский туризм, детский оздоровительный лагерь, социальное партнёрство, субсидиарная поддержка детского отдыха.

Обоснование актуальности. Детский отдых как часть детского туризма имеет реальные перспективы для дальнейшего развития в Российской Федерации. Детский туризм определён одним из приоритетных направлений туристской деятельности, которое может рассчитывать на всестороннюю поддержку государства. Среди экономических преимуществ данного вида туризма выделяют групповой характер и регулярность поездок, которые даже в период кризиса не теряют своей актуальности. Не менее важен социальный аспект детского туризма, направленный на обучение, оздоровление и развитие молодого поколения. При этом туроператоры детского туризма рассчитывают на помощь государства в виде прямых инвестиций или же частного социального партнёрства. Для дальнейшего развития данного направления необходим системный подход, затрагивающий не только экономические,

но и юридические и социальные аспекты. Исходя из вышеизложенного, анализ современных тенденций и перспектив развития детского отдыха и оздоровления является актуальным направлением исследований в сфере детского туризма в Российской Федерации.

Постановка проблемы. Несмотря на внимание к вопросам организации и развития детского туризма в настоящее время, масштабные исследования в данной сфере практически отсутствуют, так же как и консолидированные данные о спросе и предложении в сфере отдыха и оздоровления детей. Информацию о детских лагерях и центрах можно получить либо в туристских организациях, либо в региональных структурах, курирующих вопросы детского отдыха и оздоровления. Для дальнейшего развития данной сферы необходимы данные, характеризующие современное состояние рынка услуг детского туризма, представленные на

ресурсе, объединяющем информацию о материально-технической базе объектов детского туризма (лагерей и центров), а также о туристских продуктах, программах и направлениях.

Анализ последних исследований и публикаций. Теоретическим аспектам развития детского туризма уделяют внимание в своих работах Ю. С. Константинов, И. Е. Карасев, Е. В. Кулагина, О. В. Лукина, Б. К. Смагулов.

При этом Константинов, связывает детский туризм, прежде сего, с учебной деятельностью [6], а группа авторов Карабасев, Кулагина, Лукина, Смагулов делают акцент на образовательной и педагогической сущности детского туризма и его взаимодействии с рекреационной специализацией региона [7].

Масштабное исследование в сфере детского туризма в Российской Федерации проводилось в 2018 году туристическим оператором по детскому туризму и отдыху «Мосгортур» совместно с исследовательским центром «Делойт» по теме «Потенциал рынка детского туризма в России». Полученные данные позволяют оценить современную ситуацию, сложившуюся на рынке услуг детского туризма, выявить особенности текущего и потенциального спроса [9].

Объектом исследования является детский туризм в Российской Федерации, а **предметом** – анализ современного состояния детского отдыха и оздоровления в системе детского туризма Российской Федерации и перспективы его дальнейшего развития.

Цель статьи – исследовать особенности детского отдыха и оздоровления как части детского туризма, а также провести анализ современных тенденций и перспектив дальнейшего развития данной сферы деятельности. Для достижения цели сформулированы следующие задачи: изучить сущность понятий отдых и оздоровление детей в системе детского туризма Российской Федерации; проанализировать спрос на услуги детского отдыха и оздоровления, проанализировать современные тенденции в данном направлении; сформулировать выводы и рекомендации для дальнейшего эффективного развития детского отдыха и оздоровления.

Изложение основного материала исследования. Законодательством РФ в сфере туризма определено, что «Туризм детский – это туризм организованной группы несовершеннолетних туристов в сопровождении руководителя, который несёт обязанности их законного представителя» [1].

При этом детский туризм включает в себя следующие виды туристских услуг:

- путешествия (экскурсии) по различным туристским маршрутам, познавательного характера;
- отдых и оздоровление в детских оздоровительных лагерях и центрах;
- туристские слёты;
- развлекательные поездки;
- туристские поездки на культурные, образовательные, спортивные и другие мероприятия;
- активные виды туров (по категорийным и не категорийным туристским маршрутам);
- международные и межрегиональные обмены туристами [2].

Неотъемлемой частью детского туризма являются отдых и оздоровление детей, включающие «...мероприятия, направленные на развитие творческого потенциала детей, охрану и укрепление их здоровья, профилактику заболеваний, занятие физической культурой, спортом и туризмом, а также формирование навыков здорового образа жизни в благоприятной окружающей среде при выполнении всех требований обеспечения безопасности жизни и здоровья детей» [3].

Таким образом, детский туризм включает в себя и путешествия, и пребывание в детских оздоровительных учреждениях (лагерях и центрах). При этом со стороны государства осуществляется контроль за всеми аспектами его организации, включая перемещение, размещение и обеспечение безопасности детей. Значение данного вида туризма в Российской Федерации как с социальной, так и с коммерческой точки зрения возрастает, и имеет значительный потенциал для дальнейшего развития [8, с. 371].

Основными заказчиками услуг в сфере детского туризма являются родители (опекуны) детей в возрасте 7–17 лет. Именно они формируют спрос на данный

туристский продукт и во многом определяют его структуру и наполнение, выбирая тот или иной объект для отдыха и оздоровления своего ребёнка [9].

Во время исследования, проведённого туроператором «Мосгортур» совместно с исследовательским центром «Делойт», было опрошено 1800 россиян, имеющих детей в возрасте от 7 до 17 лет и опыт по отправке их в оздоровительные лагеря. Выборка по социально-демографическому критерию позволила выявить не только общие тенденции и оценки, но и провести анализ внутри подгрупп по географии, полу, возрасту и другим критериям [9].

Исследование было направлено на решение следующих задач:

- оценка текущего и потенциального спроса на детский отдых;
- определения механизма принятия положительного решения по отправке ребёнка на отдых;
- определение потребительских предпочтений при выборе лагеря;
- выявление опасений и рисков;
- составление рейтинга популярных лагерей в России;
- оценка качества лагерей и их соответствия имеющимся ожиданиям;
- оценка чувствительности спроса к цене и другим факторам.

Большинство респондентов опроса (10 из 10) полагают, что отдых ребёнка в экологически благоприятных природных условиях с соблюдением режима дня и полноценным питанием положительно скажется на здоровье ребёнка [9].

Исходя из опроса, сформированы требования к современному лагерю, иными словами - «характеристики идеального лагеря» или его модели: безопасность (защитённость); интересный досуг (занятость); благоустроенность (комфорт); здоровье (оздоровление); образование (развитие).

Исследования показали наиболее высокий спрос на детский отдых и оздоровление в Новосибирске (97%) и Казани (95%), при этом восемь из десяти респондентов отправляли ребёнка на отдых в два предыдущих года. Респонденты из Перми (84%) отправляли детей только в отечественный лагерь, на этот факт указали семь опрошенных из десяти. И

только один из десяти опрошенных респондентов отправил ребёнка в детский лагерь, расположенный за рубежом. Наиболее востребованными направлениями являются: Болгария, Турция, Чехия, Германия и Испания. Средняя продолжительность отдыха составила 14 дней, а стоимость – 45 тыс. рублей [9].

Большинство респондентов указало следующие причины отправки в детский лагерь: развлечение и отдых; спортивное развитие; лечение и профилактика здоровья, культурно-образовательное развитие; изучение иностранных языков [9].

Необходимо также учитывать и причины отказа респондентов от отправки ребёнка в детское оздоровительное учреждение, к ним относят следующие: безопасность нахождения ребёнка в детском оздоровительном лагере; опасение за состояние здоровья ребёнка во время пребывания в лагере; отсутствие желание поехать в лагерь непосредственно у ребёнка; ограничения, связанные с финансовым состоянием семьи, отсутствие льгот на пребывание в лагере.

Высокий уровень дохода позволяет отправить в лагерь ребёнка больше одного раза в год (1,3 раза в год). Родители, которые уделяют значительное внимание изучению ребёнком иностранных языков, также отправляют детей в лагерь больше одного раза в год (1,4 раза в год), часть респондентов выбирает при этом непродолжительные программы детского отдыха (6-8 дней) [9].

Двое из десяти опрошенных предпочитают периодически менять места отдыха детей (через 2-3 поездки), а трое из десяти опрошенных – предпочитают не менять место отдыха (лагерь) для ребёнка [9].

Кроме текущего, уже существующего, спроса на детских отдыхах представляет интерес и потенциальный спрос на детский отдых и оздоровление одновременно. Опрос показал, что девять из десяти опрошенных планируют в ближайшие два года отправить ребёнка в детский лагерь. Самый высокий спрос выявлен у респондентов в г. Казань – 100%, в Новосибирске и Санкт-Петербурге – 97% из опрошенных родителей и опекунов. У большинства из опрошенных уже был опыт отправки детей в лагерь. Более ше-

сти опрошенных (6,5) планируют отправить ребёнка только в российский детский оздоровительный лагерь. Высокий уровень потенциального спроса у жителей Перми (75%) и Приволжского Федерального округа (73%). У большинства из них (87%) уже был подобный опыт [9].

Часть респондентов – девять из десяти опрошенных – планируют отправить детей в зарубежный детский лагерь. Предпочтения, исходя из места нахождения детского лагеря, выглядят следующим образом (по степени значимости): Болгария, Чехия, Испания, Великобритания, Турция. Примечательно, что при исследовании текущего спроса лидером также была Болгария, Турция занимала второе место, а затем следовали Чехия, Германия и Испания. За путёвку в зарубежных лагерь родители готовы заплатить 50 тыс. рублей (опрос проводился в 2018 г.), а желаемый период остался без изменений – 14 дней [9].

Один из десяти опрошенных не планирует отправлять детей в лагерь в ближайшие 2 года, но готов пересмотреть свою точку зрения в случае:

- желания ребёнка;
- доступной цены на путёвку;
- наличия знакомых, среди персонала лагеря;
- возможности совместной поездки ребёнка со знакомыми ему детьми;
- получения субсидий на детский отдых и оздоровление [9].

Наличие субсидиарной поддержки детского отдыха может значительно увеличить спрос на детский отдых и оздоровление в соответствующих учреждениях. Опрос, проведённый в 2018 году, показал, что шесть из десяти опрошенных отправляющих ранее ребёнка в лагерь, использовали государственные субсидии. Для восьми из десяти опрошенных отсутствие возможности получения субсидии не окажет существенного влияния на решение об отправке ребёнка в лагерь. Назывались и отрицательные стороны субсидиарной поддержки: сложности при оплате путёвки и длительность её оформления; трудности общения ребёнка с другими детьми; недоступность кредитования для покупки путёвки; нежелания ребёнка вернуться в лагерь повторно; ограниченный список мест для выбора отдыха.

На данный момент процессы субсидирования государством детского отдыха значительно упрощены благодаря утверждённым правительстом правилам предоставления в 2021 году субсидии из федерального бюджета на возмещение затрат на детский отдых и оздоровление [4].

При выборе лагеря для ребёнка опрошенные родители руководствуются определёнными критериями. Наиболее значимыми из них являются:

- постоянное присутствие медицинских работников с соответствующими требованиями к уровню их квалификации;
- регулярная связь с ребёнком;
- выполнение необходимых санитарно-гигиенических требований при соблюдении ежедневного состояния номеров и территории;
- предоставление качественного и разнообразного питания;
- условия предоставления услуг питания (оснащение столовой);
- круглосуточная охрана лагеря;
- уровень квалификации сотрудников лагеря и их дружелюбность по отношению к детям;
- наличие доступной информации о лагере [9].

Окончательное решение принимается чаще всего при реализации следующих действий:

- беседа с ребёнком о поездке в определённый лагерь;
- личное посещение детского лагеря;
- ознакомление с отзывами и репутацией лагеря.

Исследование показало, что опрошенные имеют ряд опасений, связанных с качеством условий пребывания (проживания, питания), с низкой квалификацией персонала, с риском ухудшения состояния здоровья ребёнка во время пребывания, недостаточным контролем за детьми со стороны администрации и сотрудниками лагеря [9].

В ходе опроса выявлены проблемы, связанные с организацией отдыха детей в российских лагерях: высокий уровень цен на путёвки; ограничения в выборе лагеря при получении субсидий; сложности с получением субсидий; низкая осведомлённость туроператоров о реальной

ситуации в детских лагерях; не отработанный процесс получения субсидии; недостаточная информация о российских лагерях.

Как указано выше, в 2021 году вопрос субсидирования детского отдыха и оздоровления решался при помощи реализации государственной программы поддержки доступных внутренних туристских поездок в организации отдыха и оздоровления детей через возмещение части стоимости оплаченной туристской услуги [4].

Государственная программа, позволяющая частично компенсировать стоимость детского отдыха охватывает период с 25.05.2021 г. по 15.09.2021 г. Сумма компенсации составляет до 50% от стоимости детской путёвки, но не превышает 20 тысяч рублей. В программе участвует большинство стационарных детских оздоровительных лагерей, отвечающих заявленным требованиям [4].

В настоящее время Ростуризму, ответственному за реализацию программы, выделено 5 000 000 тыс. рублей. Ожидается, что результатом реализации данных мер поддержки станет снижение стоимости до 357 тыс. реализованных туристских услуг [5].

Оценка качества детских лагерей респондентами характеризуется следующими данными: шесть из десяти опрошенных считают, что уровень качества соответствует заявленной цене; четыре из десяти считают цену за путёвку неоправданно завышенной [9].

К преимуществам российских лагерей относят следующее:

- длительный период функционирования и опыт работы с детьми;
- расположение лагерей в экологически благоприятных местах;
- репутация, личный положительный опыт;
- объем предоставляемых услуг питания;
- наличие насыщенной развлекательной и оздоровительной программы.

Все вышеперечисленные преимущества делают отдых детей в российских лагерях интересным и привлекательным для потребителей.

Лидерами в рейтинге лучших детских лагерей в России являются: «Орлёнок», «Артек» и «Берёзка» (Приволжский Федеральный округ). МДЦ «Артек» не только занимает лидирующие позиции по всем основным критериям, но и обладает рядом уникальных характеристик: расположение, вместимость, качество программ.

По мнению респондентов, у большинства современных детских оздоровительных учреждений имеются следующие недостатки:

- отсутствие программ по эффективному изучению и освоению иностранных языков;
- отсутствие возможности взаимодействовать в режиме он лайн (общий чат) с детьми, сотрудниками и администрацией лагеря;
- отсутствие фото отчётов о пребывании в лагере в сети интернет;
- недостаточное количество обучающих программ;
- отсутствие современного технического оснащения (банкоматов, компьютеров и др.) [9].

Выявленные в ходе исследования недостатки должны в дальнейшем стать векторами роста и развития, особенно в таких направлениях, как ИТ-технологии и новые программы обучения.

Проведённые исследования позволили собрать информацию о потребительских предпочтениях, рисках, опасениях, о текущей удовлетворённости качеством отдыха детей заказчиков услуг детского отдыха и оздоровления.

Данные, полученные в ходе исследования, могут быть использованы предприятиями и организациями, работающими в сфере детского туризма, а также потенциальными инвесторами, и позволяют им выбрать или же скорректировать свои действия для наиболее эффективного развития данного направления.

Меры государственной поддержки, направленные на субсидирование детского отдыха предоставляемые на постоянной основе или в течение нескольких лет позволяют значительно увеличить платёжеспособный спрос семей с детьми на услуги детского отдыха и оздоровления, что, в свою очередь, повлечёт за собой увеличение темпов развития рынка детского отдыха.

Выводы. Таким образом, детскому отдыху и оздоровлению в системе детского туризма отведена значительная роль. Данное направление формирует спрос в общем объёме туристских услуг, который остаётся устойчивым, несмотря на кризисные ситуации в стране и мире. Ситуация, вызванная пандемией 2020 - 2021 годов, безусловно, отрицательно повлияла на развитие данного направления, изменила географию поездок и порядок пребывания детей в оздоровительных учреждениях, но, тем не менее, предпо-

чтения заказчиков детского отдыха, выявленные в процессе исследования, остаются актуальными. Зная особенности текущего и потенциального спроса на услуги в сфере детского отдыха и оздоровления, можно сформировать туристский продукт, который будет востребован на рынке детского туризма. В дальнейшем исследования данного направления необходимо проводить на регулярной основе с учётом современных реалий и условий. Результаты их найдут своё отображение в последующих научных трудах.

-
1. Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. N 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). – URL: <http://docs.cntd.ru/document/9032907>
 2. Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 54605-2017 Туристские услуги. Услуги детского туризма. Общие требования. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200157391>.
 3. Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 52887-2018 Услуги детям в организациях отдыха и оздоровления. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200160048.4>.
 4. Постановление Правительства РФ от 19 мая 2021 г. N 759 «Об утверждении Правил предоставления в 2021 году из федерального бюджета субсидии акционерному обществу «Национальная система платежных карт» на реализацию программы поддержки доступных внутренних туристских поездок в организации отдыха детей и их оздоровления через возмещение части стоимости оплаченной туристской услуги». – URL: <http://base.garant.ru/400784690/#ixzz76H9SFZXT>
 5. Распоряжение правительства РФ от 15 мая 2021 г. № 1235 О выделении Ростуризму в 2021 г. из резервного фонда Правительства РФ бюджетных ассигнований в целях предоставления субсидии АО «Национальная система платежных карт» для реализации программы поддержки доступных внутренних туристских поездок в организации отдыха детей и их оздоровления через возмещение части стоимости оплаченной туристской услуги» (с изменениями и дополнениями). – URL: <http://base.garant.ru/400772165/#friends>
 6. Константинов Ю. С. Детско-юношеский туризм : учеб. пособие для академического бакалавриата / Ю. С. Константинов. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2019. — 401 с. – URL: <https://biblio-online.ru/bcode/438504>
 7. Организация детско-юношеского и молодёжного туризма: учебное пособие / И. Е. Карасев, Е. В. Кулагина, О. В. Лукина, Б. К. Смагулов — Омск: Омский государственный технический университет, 2017. — 92 с. – URL: <http://www.iprbookshop.ru/78448.html>
 8. Тропина Е.А. Особенности организации детско-юношеского туризма, отдыха и оздоровления детей в Российской Федерации на современном этапе // Приоритетные направления и проблемы развития внутреннего и международного туризма в России: материалы II Всероссийской с международным участием научно-практической конференции — Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. - С. 368-371
 9. Потенциал рынка детского туризма в России. - Исследовательский центр компании «Делойт» в СНГ, 2018. – 19 с. – URL: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/research-center/articles/potencial-ryntka-detskogo-turizma-v-rossii.html#>

The article discusses the theoretical aspects of the organization of the children's recreation and the health improvement in Russia. It is investigated the current and the potential demand for the services of the children's health camps. The analysis of the existing trends in the field of the children's recreation and the health improvement in the Russian Federation is carried out. The conclusions are drawn and they recommendations are given to the participants of the children's recreation and the wellness market, taking into account the modern realities that have developed in the children's tourism.

Keywords: the children's recreation, the children's tourism, the children's health camp, the social partnership, the subsidiary support for the children's recreation.

УДК 130.2

B. A. Шилина

Музеи Крыма как культурный ресурс

Обоснована значимость музея в современной культурной среде как центра сосредоточения, сохранения, изучения и трансляции культурного наследия Крыма. Проанализирована деятельность некоторых музеев полуострова, выявлен их культурный потенциал.

Ключевые слова: музей, музейная среда, музейная сеть Крыма, культурная среда, культурный потенциал.

Крым – это удивительный полуостров с разнообразным природными и историческими памятниками, яркой историей, поликультурным населением, что и определило его особое значение для культурного пространства Российской Федерации. Подтверждает его богатое прошлое обилие уникальных памятников культурного наследия. Здесь насчитывается более 10 000 памятников историко-культурного, природного, археологического (включая подводные памятники) наследия, большая часть которых являются основой известных крымских музеиных учреждений.

Анализ последних исследований и публикаций

Появившись в древности, протомузейные формы стали базой для сохранения и трансляции социокультурного опыта, местом развития науки и культуры, что рассматривается в работах Ф. И. Шмита [15, с. 9], Т. Ю. Юрненовой [16, с. 558] и др.

Со временем, главной задачей музея становится не только музеефикация, но и актуализация, ревитализация музеиных артефактов. Одним из первых отече-

ственных исследователей, определивших музей как инструмент трансляции и актуализации социокультурного опыта культурного наследия был Н. Ф. Федоров [14, с. 84]. Е. Н. Мастеницей [9, с. 206] были проанализированы концепции «новой музеологии» с учетом появления музеев инновационного типа.

Специфика музея как культурного ресурса активно обсуждается в настоящее время в культурологии. При этом, под культурным ресурсом принято понимать совокупность культурных достижений, которые обладают вневременной ценностью и способствуют сохранению и актуализации определённой культуры [14].

Аксиологический подход в изучении культурного наследия прослеживается в работе П. В. Алексеева [3, с. 126]. Вопросы и особенности сохранения культурного наследия как элемента культурного ландшафта рассматривают Ю. А. Веденин [4, с. 6-18], Ю. В. Кирюшина [7, с. 112], согласно которым ландшафт определяется и изучается как синтез природы и культуры, а также предлагаются подходы к его сохранению. Свою лепту в осмысление

музея как культурного ресурса вносят исследователи В. Н. Калуцков, А. Ю. Латышева [6, с.7-15], Е. В. Комиссарова [8, с. 22], выделяя новый подтип культурного ландшафта – имитационный культурный ресурс.

Благодаря постоянно возрастающей роли в сохранении и трансляции материального и духовного культурного наследия, расширению и углублению направлений деятельности и способности к трансформации современный музей, без преувеличения, можно назвать феноменом культуры.

Актуальность статьи обоснована потребностью в анализе культурного достояния и выявления культурного ресурса музейной среды Крыма.

Объектом данного исследования является культурный потенциал музеев Крыма.

Предметом исследования – музеи Крыма как культурные центры.

Цель статьи – выявление культурного ресурса музеев полуострова.

Исходя из цели исследования, были поставлены следующие **задачи**:

1. Рассмотреть деятельность музеев Крыма.

2. Проанализировать их культурные особенности.

3. Выявить культурный ресурс представленных музеев.

Музей, как социокультурный институт, в рамках своей деятельности выполняет основные функции культуры, среди которых гносеологическая, информационная, образовательно-воспитательная, интегративная и др. Но, по нашему мнению, особое значение имеет аксиологическая функция.

Как в социокультурной сфере, так и в исследуемых элементах законотворчества, одним из главных критериев в определении значимости артефактов культуры является аксиологический, ценностный подход. Стоит сказать, что как основа не только культурологии, но и музеологии и других наук он все чаще применяется во всяческих сферах познания, так как позволяет соотносить явления и факты культуры с их местом в реальной жизни

и в системе ценностного мира. Проблема ценности как таковой также занимает особое место, прежде всего, в связи с широко распространенным толкованием культуры как совокупности всех ценностей, созданных человечеством [1, с. 248], что и делает их своеобразным объектом музеологического анализа.

Центральная для аксиологической методологии – категория «ценность». Именно ценность является выражением человеческого измерения культуры, воплощает в себе отношение к формам человеческого бытия, человеческого существования. Она объединяет духовное многообразие с разумом, чувствами и волей человека. Таким образом, ценность – это прежде всего осознанное, жизненно переживаемое настоящее. Она отражает человеческое измерение общественного сознания. Обращение к различным западным и отечественным подходам к построению теории ценностей выявило многообразие существующих определений и классификаций, которые являются как вспомогательными, так и взаимоисключающими друг друга [3, с. 126].

Именно музею дана возможность документировать, сохранять, транслировать культурное наследие как результата природных и социокультурных процессов и явлений, именно музей обладает наибольшим культурным потенциалом, аккумулируя в себе социокультурное наследие региональной среды [2].

В рамках данной статьи предлагается рассмотреть деятельность некоторых музеев Крыма с целью выявления их культурного ресурса.

Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник (г. Бахчисарай).

Важным объектом музея-заповедника является Ханский Дворец в Бахчисарае, который был возведен как родовой дворец династии Гиреев (правители Крымского ханства с 1532 до 1783 г.).

Хан Сарай стал центром духовной и светской жизни. Не менее важен он и в наши дни, т.к. является национальной святыней крымских татар. Бахчисарайский Дворцовый комплекс – важнейший

историко-культурный артефакт периода правления Крымского ханства на полуострове, единственный в мире целостный образец крымскотатарской дворцово-парковой архитектуры, а также уникальный для Европы дворцовый комплекс ближневосточной культуры.

Бахчисарайский Дворец включает в себя комплекс построек разнообразного назначения. Среди них Большая и Малая мечети, ханское кладбище с двумя мавзолеями (дюрбе), дом муфтия. Постройки светского предназначения, например, Зал совета (дивана), жилые помещения ханов, охраны, гарема, прислуги, гостей. Одна обзорная и две надвратные башни, кухонный двор, шесть внутренних двориков, бани, конюшни, 14 фонтанов. Особый интерес русских и иностранных ученых и деятелей культуры в конце XVIII – начале XIX в. проявлялся к средневековой восточной культуре и более ранним памятникам. Одним из первых видных посетителей стал академик П. С. Паллас, который в 1793 г. посетил Бахчисарай и подробно, в цифрах и деталях описал город. В 1819 г. культуру города изучал представитель охраны и изучения старины писатель В. В. Капнист. Он с семьёй остановился в Хан-Сарае и совершили верховые поездки в Чуфут-Кале. Огромное значение для этого памятника имеет приезд 7 сентября 1820 г. в Бахчисарай А. С. Пушкина, так как именно это спасло дворец от уничтожения во время прихода советской власти.

В состав музея-заповедника входят более 138 объектов. Самыми известными из них являются Ханский дворец, «пещерные города» Мангуп-Кале, Чуфут-Кале, Качи-Кальон, Эски-Кермен, Тепе-Кермен, Сюйренская крепость и многие другие [5, с. 42-47].

Историко-культурный мемориальный музей-заповедник «Киммерия М. А. Волошина» (пос. Коктебель) [11].

Музей-заповедник основан в 2000 г. и представляет собой комплекс из пяти музеев с прилегающей территорией. Общий музейный фонд составляет более 90 тысяч единиц хранения. Также сюда входят следующие объекты: могила М. А. Волошина на горе Кучук-Енишары, захоронения и надгробные памятники коктебельского и старокрымского некрополей, руинированный склеп семьи Юнге – первых поселенцев и основателей поселка Коктебель.

Концепция заповедника строится на эколого-историко-культурологическом принципе, что подразумевает существование единой объемно-пространственной системы природных, исторических и культурных достояний юго-восточного Крыма. Целью создания заповедника является отражение социокультурного аспекта экологии, направленного на сохранение и защиту историко-культурного и природного пространства Киммерии.

Сегодня музей-заповедник включает:

- Дом-музей М. А. Волошина в Коктебеле
- Музей Марины и Анастасии Цветаевых
- Литературно-художественный музей в Старом Крыму
- Мемориальный Дом-музей А. С. Грина
- Дом-музей К. Г. Паустовского в Старом Крыму

С 2000 года музей-заповедник проводит ежегодные мероприятия: в мае: Международный день музеев, Международная акция «Ночь в музее», Волошинские чтения, Слет романтиков «Соранг», август: Международный Цветаевский фестиваль «Моя божественная лира с твоей гитарою сестра», Фестиваль «Гринландия», сентябрь: Международный научно-творческий симпозиум «Волошинский сентябрь». Также проводятся различные экскурсии и образовательные мероприятия – цикл лекций, мероприятий для школьников (программа по музейной педагогике) в школах, библиотеках, вузах и других культурных учреждениях города и региона [11].

Музей-заповедник «Судакская крепость» (г. Судак)

Сама генуэзская крепость Судака представляет интерес как многовековой памятник культуры. На сегодняшний день неизвестно, когда и кто ее построил. Некоторые исследователи сходятся на том, что

крепость Судяя построена в 212 году при Боспорском царстве, другие же указывают VII век и относят крепость к византийскому городу Судяя. Учитывая спорные теории, сегодня крепость носит название «Судакская крепость», а не «Генуэзская крепость Судака».

Здесь нельзя не упомянуть, что за всю историю Судакской крепостью владели разные народы: греки, турки, монголы, венецианцы, генуэзцы, половцы и др. В конце XIX века здесь начали проводить ремонтно-восстановительные работы, а после революции был основан историко-археологический музей.

Помещение украшают три орнаментированные стрельчатые арки. На стенах музея представлено множество предметов одежды и быта средневековья. Также в экспозиции имеются изделия из свинца, глины (Судяя была центром гончарного ремесла), предметы вооружения, ювелирные украшения и даже продукты косторезного дела и других материалов. Помимо этого, в музее представлены строительные кирпичи и плиты, созданные в средние века, фрагмент глиняной трубы, которая использовалась для водоснабжения города. Ценным являются византийские, армянские, иудейские, генуэзские, татарские и турецкие надгробные памятники.

В 2015 году в состав музея вошла Дача Функа (единственное сохранившееся дореволюционное имение в Судаке) [12].

Выводы и перспективы дальнейших исследований

Общемировые трансформации способствуют разнообразию культурного пространства окружающей среды и общества. Процессы глобализации способствовали и интеграции, и регионализации мира. Музеи, как хранители культурного достояния, коммуницируют с обществом. Представляя собой социокультурные институты этого общества музеи объединяют поколения людей, их духовность, достижения и достоинства.

Сегодня существует множество организаций, главной целью которых яв-

ляется осуществление культурной деятельности различных направлений – от исследовательской до проектно-технологической. Но именно музей, на современном этапе своего развития, является той средой, которая хранит, транслирует, презентует и трансформирует различные отрасли культуры, что изменяет саму культурную среду в целом.

Рассматривая культурный ресурс Крыма в контексте музеиной среды, можно выделить его различные формы и виды. Следует сказать, что изначально деятельность многих музеев была направлена на развитие определенного вида культуры, но в последствии, под воздействием изменения социокультурной среды, некоторые из них подверглись незначительной трансформации.

Самой классической для музея является именно материальная форма выражения культурного наследия [7, с. 244-247].

Анализируя деятельность представленных выше музеиных комплексов, можно сделать вывод, что все они являются культурным достоянием региона, а некоторые (Бахчисарайский дворец, Судакская крепость) являются уникальными архитектурными памятниками.

Именно музеефикация рассмотренных объектов способствовала сохранению, изучению, трансляции и ревитализации их материальной и духовной культуры.

С позиций аксиологического подхода, ценность культурного наследия выражается через его социальные функции и связана, прежде всего, с его сохраняющим и трансляционным характером. Культурное наследие ценностно и по своим содержательным признакам, и по функциональным. То есть оно ценностно само по себе – самоценственно [10].

Образно говоря, Судакская крепость представляла собой материальную ценность в период использования по своему прямому назначению – как фортификационное сооружение, но она обладает духовной ценностью как артефакт культуры и т.д.

Культурный ресурс музеев Крыма выражается в нескольких факторах:

Все представленные музеи являются культурным ресурсом региона, т.к. являются совокупностью культурных достижений, которые обладают вневременной ценностью и способствуют сохранению и актуализации определённой культуры.

В рамках своей деятельности музеи выполняют все функции культуры (гносеологическую, информационную, обра-

зовательно-воспитательную, интегративную, аксиологическую и др.).

В прямом (не все артефакты найдены или изучены) или косвенном (способность музея, не отказываясь от первичных форм деятельности трансформироваться согласно потребностям социальной среды) виде они изменяют культурную среду региона.

-
1. Агапова Т. В. Культура как совокупность материальных и духовных ценностей / Т. В. Агапова // Вестник КрасГАУ. – 2014. – №5. – С. 247–249.
 2. Акулич Е. М. Музей как социальный институт : автореферат дис. ... доктора социологических наук : 22.00.04 / Евгений Михайлович Акулич. – Тюмень : Тюмен. гос. ун-т, 2004. – 52 с.
 3. Алексеев П. В. Ценность [Текст] / П.В. Алексеев // Социальная философия. – М., 2004. – 315 с.
 4. Веденин Ю. А. Культурно-ландшафтный подход к сохранению наследия [Текст] / Ю. А. Веденин // Обсерватория культуры. – 2013. – № 1. – С. 67–70.
 5. Гайворонский О. Драконы на страже Хансарада [Текст] / О. Гайворонский // Qasevet. – Симферополь, 2007. – № 32. – С. 42–47.
 6. Калуцков В. Н. «Этническая деревня» – новый тип культурного ландшафта [Текст] / В. Н. Калуцков, А.Ю. Латышева // Теория и практика планирования культурного ландшафта. – Саранск, 2010. – С. 7–15.
 7. Кирюшина Ю. В. Нематериальное культурное наследие – актуальное понятие современности [Текст] / Ю.В. Кирюшина // Извест. Алт. гос. Унив : Сер. Философия, социология и культурология. – 2011. – № 2–1 (70). – С. 244–247.
 8. Комиссарова Е. В. Региональный музей как хранитель и транслятор культурного наследия : Автoref. дисс... канд. историч. наук : 24.00.01/ Комиссарова Елена Васильевна : защищена 23.12.2006. – Волгоград, 2006. – 22 с.
 9. Мастеница Е. Н. Актуализация культурного наследия в музее: образовательный аспект [Текст] / Е. Н. Мастеница // Образование в пространстве культуры : сб. науч. ст. – Москва : РИК, 2005. – Вып. 2. – С. 199–206.
 10. Михантъева А. Социологические подходы к изучению культуры. Аксиологический подход / А. Михантъева. – URL: http://sociologist.nm.ru/articles/research_02.html (дата посещения 15.06.2021).
 11. Музей-заповедник «Киммерия М. А. Волошина». – URL: <https://www.muzeyzapolovednikimimeriyavolochina> (дата обращения: 20.10.2021).
 12. Музей-заповедник «Судакская крепость». – URL: <https://sudak-museum.ru> (дата обращения: 21.10.2021).
 13. Фаган Б. М. Археология. В начале : Техносфера / Б.М. Фаган, К.Р. ДеКорс. – Москва, 2007. – URL: <https://arheologija.ru/fagan-dekors-arheologiya-v-nachale/> (дата обращения: 22.10.2021).
 14. Фёдоров Н. Ф. Собрание сочинений : В 4-х тт. Том II. – Москва : Издательская группа «Прогресс», 1995. – 544 с.
 15. Шмит Ф. И. Музейное дело. Вопросы экспозиции / Ф. И. Шмит. – Ленинград, 1929. – 248 с.
 16. Юрненева Т. Ю. Музееведение : учеб. для студентов гуманитар. специальностей вузов / Т. Ю. Юрненева. – 2-е изд. – Москва : Академический Проект, 2004. – 558 с.

The article substantiates the importance of the museum in the modern cultural environment as a center of the concentration ,the preservation, the study and the broadcasting of the cultural heritage of the Crimea. The activity of some museums of the peninsula is analyzed, their cultural potential is revealed.

Keywords: the museum, the environment of the museum, the museum network of the Crimea, the cultural environment, the cultural potential.

**ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ
КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ
КУЛЬТУРНОГО ПОТЕНЦИАЛА
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА**

Развитие современных цифровых образовательных технологий как новая форма обучения

Статья посвящена современным образовательным технологиям, способствующим формированию профессиональных качеств и умений будущих специалистов. В данной работе рассматривается понятие «педагогические технологии», описывается такая форма дистанционного обучения, как система Moodle, анализируются риски и перспективы использования цифровых технологий в обучении.

Ключевые слова: современные образовательные технологии, информационные технологии, форма обучения

В современном мире идёт активное развитие и использование цифровых образовательных технологий. Широкое применение технологий в образовании привело к появлению термина «педагогические технологии». Советский академик Г. К. Селевко в работе «Современные образовательные технологии» (1998 г.) пишет, что «...педагогическая технология – это системный метод создания, применения и определения всего процесса преподавания и усвоения знаний с учетом технических и человеческих ресурсов и их взаимодействия, ставящий своей задачей оптимизацию форм образования» [4, с. 16]. Другими словами, внедрение современных методов в образование позволяет разнообразить процесс обучения, «ускорить усредненный темп изучения материала и повысить эффективность самостоятельной работы обучающихся» [3, с. 201].

Объект исследования – образовательный процесс.

Предмет исследования – цифровые технологии как новая форма обучения.

Цель исследования – исследовать процессы применения цифровых технологий в обучающемся процессе, выявив их перспективы и риски.

Применение современных цифровых технологий в педагогической сфере способствует изменениям в преподавательской деятельности, «увеличивается роль педагогической культуры преподавателя как субъекта управления в учебном процессе» [2, с. 24].

Следует выделить основные факторы эффективного внедрения современных образовательных технологий:

Готовность обучающихся к восприятию образовательных технологий.

Положительная мотивация учебной деятельности.

Готовность преподавателей и студентов к творческой, инновационной деятельности [2, с. 25].

Необходимо отметить, что выбор педагогических средств обучения учащемуся предполагает преподаватель, который должен в совершенстве ими владеть. Это позволит добиться максимального эффекта в современном педагогическом образовании.

Сегодня можно выделить несколько основных образовательных технологий: традиционные и инновационные, интерактивные и информационные, коммуникативные и гуманитарные технологии. Традиционным считается обучение, которое уступает место инновационному, в связи с активным развитием информационно-коммуникационных технологий. Применение инновационных разработок повышает эффективность обучения в постиндустриальном обществе.

Инновационными считаются те технологии, «...которым не более 5 лет, которые не нашли еще своего массового применения и недостаточно широко изучены современной образовательной практикой» [1 с. 54]. В большинстве случаев, под инновационными технологиями понимают «...новые технологии, являющиеся продуктом педагогического творчества,

либо приспособленные к национальным особенностям отечественного образования технологии зарубежной научной и педагогической практики, либо уже известные педагогической общественности технологии, применяемые в новых образовательных условиях» [1 с. 54].

Следующая технология – интерактивная, направленная на активизацию деятельности учащихся. Данная модель предусматривает создание комфортных условий для обучающихся, активно взаимодействующих между собой. К таким технологиям можно отнести, например, мастер класс, игровые, рефлексивные, проективные технологии, технологии самопрезентации, самопознания и самооценки. Подобные образовательные технологии направлены на моделирование жизненных ситуаций, повышающих уровень интеллектуальных способностей и выработки навыков аналитической деятельности обучающегося. Стоит отметить, что интерактивная модель отличается от традиционной модели реализации урока. Использование современных технологий в преподавательской сфере позволяет насытить урок, тем самым, сделав его более интересным и разнообразным.

По критериям новизны можно выделить информационные технологии, «... цель которых овладеть средствами нахождения, использования и обработки учебной информации благодаря применению компьютерной техники, интернета, аудио и видеотехники» [1, с. 55]. В современном информационном обществе применение деревянной доски и мела уже не выглядит революционным явлением в развитии образования. Сегодня ведущие роли занимают компьютеризация и информатизация, предоставляющие как учащимся, так и преподавателям огромные возможности по освоению новой информации. Применение электронной почты, интернета, постоянно развивающихся и совершенствующихся технических средств обучения, таких как компьютеры, планшеты, электронная доска, электронные книги расширяют возможности современного образования, выводя его на новый этап работы с информацией.

Еще один вид технологий, рассматривающийся в педагогической практике – это коммуникативные. Характерной

чертой их является улучшение способов взаимодействия с людьми, а именно работа в паре, команде, коллективе. «Основными составляющими коммуникативных технологий являются локальные компьютерные сети, электронная почта, глобальная сеть Интернет, телефония, телеконференции и т.д.» [1 с. 56].

Особое, но не менее важное, место в образовании занимают гуманитарные технологии, «...ведущей целью которой является реализация гуманистических ценностей в образовании, формирование социально значимых качеств личности, создания условий для реализации человека на интеллектуальном, духовно нравственном, творческом поприще, развитие гуманитарного стиля мышления и гуманитарной культуры у участников образовательно процесса» [1, с. 56]. Гуманитарные технологии дают возможность целостно воспринимать получаемую информацию, создают благоприятные условия для реализации и обогащения интеллектуальной и духовной сферы. Именно благодаря данному факту к гуманитарным технологиям приковано пристальное внимание в научной и педагогической сфере.

В связи с пандемией наиболее популярной на сегодняшний день стала технология дистанционного обучения, активно использующая информационно-коммуникационные технологии. Для поддержания качественного уровня образования используются различные программы обучения и курсы, «позволяющие расширить круг обучающихся путем дистанционного обучения» [5, с. 123]. «Все эти возможности поддерживаются специальными программными системами, среди которых особое место занимает система LMS Moodle, отличающаяся своей универсальностью» [5, с. 123].

Астраханский государственный университет активно эксплуатирует данную платформу, упрощающую, а иногда и заменяющую традиционные виды занятий. Система LMS Moodle позволяет нашим студентам и преподавателям работать как в режиме offline, так и в режиме online. Стоит отметить, что в online режиме у преподавателей и обучающихся есть возможность для синхронного и асинхронного взаимодействия. Главной особенностью платформы Moodle

являются его функции и инструменты, «...в рамках которых один или несколько преподавателей предлагают студентам ресурсы (к примеру, файлы, папки, страницы интернета) и участие в интерактивных действиях: форумах, семинарах, заданий, экзаменов и т.п.» [5, с. 124].

Стоит подчеркнуть, что ускоренное введение дистанционного обучения в образование имеет свои сложности. По мнению профессорско-преподавательского состава и студентов высшего учебного заведения, основной проблемой, с которыми они столкнулись, является неподготовленность платформы LMS Moodle к осуществлению учебного процесса, связанная с постоянными техническими сбоями и перегрузками сайта. Это проявлялось в обыденной работе, к примеру, авторизации на образовательном сайте, выгрузке домашнего задания, изучении лекционного материала и прочее. Особые помехи создают частые технические сбои, которые проявлялись во время экзаменационной и зачетной неделях, в связи с огромным online потоком.

Немаловажной проблемой в работе в дистанционном режиме оказалась недостаточное знакомство с информационно-коммуникационными технологиями преподавателей и обучающихся университета, что привело к трудностям на старте перехода от традиционной формы обучения к информационной.

Однако, несмотря на минусы новой формы, дистанционное обучение на основе ИКТ можно считать естественным этапом эволюции традиционной системы обучения, характеризующийся прямым взаимодействием учителя/преподавателя с обучающимся. Привычные формы обучения (лекции, лабораторные работы, семинары, самостоятельные работы, консультации, работы в командах и т.п.) сохранились и адаптированы для работы в дистанте. Эффективность обучения в данном формате повышается благодаря высокой степени интерактивности и специфическим особенностям современных информационных и коммуникационных технологий.

Тем не менее, существующие риски, особенно касающиеся здоровья как обучающихся, так и преподавателей, делают оптимальным сочетание традиционных форм обучения с инновационными.

Таким образом, современные образовательные технологии или педагогические технологии при их рациональном использовании повышают уровень мотивации обучающихся, обеспечивают прямые и обратные связи по взаимодействию обучаемого с преподавателем и друг с другом. Такие методы способствуют развитию умений анализировать конкретные ситуации и выбирать наиболее рациональные способы их решения.

-
1. Аникеев И. А. Классификация педагогических технологий // Проблемы и перспективы развития образования в России. – 2012. №16. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-pedagogicheskikh-tehnologiy-1>.
 2. Кайдалова Л. Г. Современные педагогические технологии как средство подготовки компетентных специалистов // Педагогика и психология образования. – 2014. – №2. – С. 24-27
 3. Китаева К. А., Житенева В. С., Верченко Г. И. Применение современных образовательных технологий // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. – 2011. №22. – С. 201 – 202
 4. Селевко Г. К. Современные образовательные технологии. М.: Народное образование, 1998. – 256 с.
 5. Тунда В. В, Тунда Е. А. Moodle - система компьютерной поддержки дистантного обучения // Бюллетень сибирской медицины. – 2014. – №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moodle-sistema-kompyuternoy-podderzhki-distantnogo-obucheniya>.

The article is devoted to the modern educational technologies that contribute to the formation of the professional qualities and the skills of the future specialists. In this paper, the concept of “the pedagogical technologies” is considered. Such kind of form of the distance learning as the Moodle system is described. The risks and prospects of using the digital technologies in teaching are analyzed.

Keywords: the modern educational technologies, the informational technologies, the form of education.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 793

E. O. Гуляева

Особенности танцевальной культуры Луганщины

В статье рассматриваются процессы формирования и развития хореографического искусства Луганщины, неотъемлемой частью которого является казачий танцевальный фольклор. Танцевальное наследие края чрезвычайно богато и разнообразно, имеет прекрасные традиции, которые необходимо сохранять и развивать. Казачья культура края играет значительную роль в воспитании чувства патриотизма и любви к родному краю.

Ключевые слова: народное творчество, казачья народная культура, казачий народный танец, Луганщина.

На современном этапе развития общества возрастает интерес к народному творчеству, неотъемлемой частью которого является народный танец. Хореографическое искусство Луганщины пользуется большой популярностью и развивается на разных уровнях культурологической системы. В этих условиях первостепенной становится проблема самоидентификации, осознание уникальности и неповторимости культурных ценностей этносов, проживающих на данной территории. Современное искусство направлено в будущее, но учитывая традиции, теснейшим образом связано с прошлым. Также нельзя забывать, что важным условием стабильного функционирования танцевальной системы являются традиции. В процессе изменения культурных традиций меняется и танец. Фольклор отражает жизненный опыт народа, творчески обобщает и осмысливает его, служит ярким выражением художественно-исторической памяти нации, является важным фактором социальной жизни и в этом качестве мо-

жет способствовать культурному «выживанию» человека.

Отметим, что на сегодняшний день отсутствуют глубокие этнографические исследования, в которых обобщаются процессы формирования и развития танцевального искусства Луганского региона. Отдельные аспекты хореографического искусства и этнокультуры освещены в научных работах авторов Донбасса: В. И. Мельник, О. В. Роговец, О. Н. Потемкиной.

Цель данной статьи – определение роли казачьего народного танца в хореографической культуре Луганского региона, выявление особенностей исполнения казачьих танцев Луганщины.

Объект исследования: казачья танцевальная культура Луганщины.

Предметом исследования являются этнографические особенности исполнения казачьих танцев Луганщины.

Луганский край (территория современной Луганской Народной Республики) расположен недалеко от берега реки

Северский Донец, который впадает в великую русскую реку Дон. На востоке её границы совпадают с границами Российской Федерации, а на западе – с границами Донецкой Народной Республики.

Луганск исчисляет свою историю с 1795 года, с основания литейного завода, а своё название город получил от названия реки Лугань, которая протекает по старой части города (бывшие населенные пункты Каменный Брод и Вергунка), далее, когда-то судоходная река Лугань, впадает в Северский Донец.

Когда-то Луганский край носил название «Слободская земля». «Слободская» происходит от слова «свобода», т.е. свободные земли, где жители имели определенные льготы и милости от царского правительства. Это название прочно закрепилось в XVII – XVIII веках за землями современных Харьковской, Донецкой, Луганской, восточной частью Сумской областей Украины, а также за южными землями Воронежской, Белгородской и Курской областей Российской Федерации.

Следует отметить, что Донецкий регион, частью которого являлся Луганский край, особенно интенсивно заселялся во второй половине XIX в. из-за недостатка рабочей силы и быстрым развитием промышленности. Этому способствовала отмена крепостного права в России – получившие свободу крестьяне активно стали заселять территории Донбасса.

Анализ исследований ученых показал, что исторически росла не просто численность постоянного населения Донбасса, а формировалась пестрая по национальному составу общность людей, в которой преобладали русские и украинцы [3, с. 165].

В наших краях князь Игорь Святославович со своей женой сражался с половцами. Территория края с середины XIII до начала XVII века была ареной борьбы с Золотой Ордой, а затем с Крымским ханством. Реальной военной силой, которая могла оказать достойное сопротивление врагам, в этой местности стали казаки – союзники России в борьбе с неизменно турецко-крымской агрессией.

Именно здесь завоевателей встречали хорошо организованные военные формирования казаков.

Придонцовье стало зоной переселенческих потоков, т.к. было окружено Землей Войска Запорожского с одной стороны, а также землями юга России с другой. Регион постепенно превращался в аграрно-промышленный центр. Освоение земель Придонцовья объясняется важнейшей стратегией Российской империи – расширением границ и выхода к Чёрному морю. Территория Луганщины заселялась представителями разных народностей. Здесь проживали русские, украинцы, сербы, армяне, немцы, евреи, цыгане и другие народности, которые принесли в Донбасс свою традиционную культуру, элементы материальных и мировоззренческих ценностей, мировосприятие. Смешение различных культур, религий, языков, – довольно значимая черта истории края. Сейчас в Луганске проживают представители 140 национальностей, целый ряд этнических меньшинств, каждое из которых имеет свои историческими корни и культуру.

Региональные историко-культурные особенности Луганщины закладывались через межкультурное взаимодействие и совместную оборону общих интересов. При этом представители национальных меньшинств сохраняли собственные духовные и образовательно-культурные традиции. Жители края – в основном украинцы с правобережья и центра Украины и русские с южных земель России – имели большое влияние на процессы формирования культуры и быта местности.

В начале 40-х годов XVII века на территории современной Луганщины были основаны первые опорные пункты донских казаков, по реке Айдар к реке Северский Донец. Строительство укрепленных городков стало важной вехой в закреплении казаков на Северском Донце. Это опорные центры, вокруг которых складывались военные округа, были местом постоянного пребывания атаманов, сбора запасов, оружия и продовольствия, здесь же проводились и ярмарки, общие сборы и проводы к местам несения службы.

Значительная часть левого берега Северского Донца осваивалась в ходе расселения донского казачества. В центрах донских казаков бережно сберегалась и распространялась казачья культура, элементы быта, промыслы, песенно-танцевальные традиции. В учебнике «История Луганского края» мы читаем: «Донская Земля к началу VIII века посредством развития экономических и политических связей постепенно интегрировалась в Российскую империю» [1, с. 145].

Переселенцы сохраняли и развивали различные искусства (декоративно-прикладное, музыкальное, танцевальное, вышивка и т.п.) и фольклор (песни, думы, легенды, переводы, баллады, пословицы, поговорки и др.), проникнутые свободолюбивым казацким духом, познавательно-воспитательным потенциалом национальной символики. Волшебные мелодии обширных степных песен, печальных и шуточных, звучали на досуге по всей округе

Значительную часть хореографической культуры Луганщины составляют танцы донских казаков, наиболее ярко представленные в населенных пунктах, где проживают потомки казаков Войска Донского. Они расположены преимущественно в восточной части нашего края [2, с. 58]. Казаки имеют свой самобытный колорит, уважают, соблюдают, возрождают и сохраняют старые обряды и обычай. В центрах казачьей культуры регулярно проходят праздники культуры Донского казачества, воссоздаются народные обряды, создаются театрализованные представления, концертные программы, действуют выставки декоративно-прикладного и традиционного искусства, проводятся мастер-классы.

Танец, как и музыка, рождался из жизни казаков как необходимая потребность проявления чувств и эмоций, передачи в художественной форме своих мыслей, ощущения красоты жизни, как способ выхода избытка жизненной энергии. Танец органически связан с музыкой, с песней и в пластике человеческого тела раскрывает её содержание.

Можно выделить характерные особенности танцев донских казаков Луган-

ской области. Обычаи, быт и особенности рода деятельности жителей казачьих станиц наложили свой отпечаток на их песенную и хореографическую культуру. Стоит отметить в местном репертуаре наличие героического эпоса в много-голосом распеве и преобладание плясок военного характера с демонстрацией различных «трюковых» элементов, что объясняется исторически сложившимся бытом казачьих станиц, преимущественно военным образом жизни казаков. Сохранилось большое количество песен военного содержания, исторических песен, рассказывающих о реальной исторической личности или событии, а также песен, посвященных описанию быта казаков на военной службе.

Изучение песенно-танцевального фольклора края раскрывает ритмическое и образно-мелодическое начало танца, а знакомство с бытом и художественным наследием края знакомит с историческими особенностями жизни людей. Своевобразным языком казачьи танцы отражают и историю развития народа: его уклад, традиции, отношения внутри семьи, с окружающим миром, чувства к Родине и т.д.

Отметим, что на формирование танцевальных традиций в значительной степени повлиял военный характер жизни донских казаков. Мужчины много времени проводили в военных делах, что отразилось и на народном творчестве и на хореографии. В мужских танцах часто используют полуприседание во II позиции, имитирующее езду всадника на коне. В таком положении выполняют скользящие передвижения в разные стороны, хлопушки с ударами по бедрам, по голенищу сапога или военные упражнения с саблей или нагайкой. Есть в мужских движениях и характерные движения со скошенным подъемом – «качалочка», или попеременный вынос ног вперед в пол, на скошенный подъем в полуприседании.

Одно из распространенных движений – присядка, которая исполняется как в выворотной позиции ног, так и в параллельной первой позиции, часто используют «разножку» (раскрывание обеих

ног в сторону на каблуки). При выходе из простой присядки вынос ноги вперед происходит с согнутой в колене ногой, а в сторону - с прямой. Хлопушки при исполнении присядки выполняют чаще всего по бедрам и по голени. В мужском танце часто используются нагайка и шашка, что придает танцу силу и эмоциональную окраску. К одним из часто используемых ходов в танцах относится «дорожка» по пятой выворотной позиции: акцентированное «припадение» и «упадение», а стремительный бег - «бегунок» добавляет танцу скорость, напор, способствует быстрой смене рисунка танца. Так же выполняется характерное акцентирование ударов стопой в пол. Наиболее колоритное движение - резкие, четкие переводы стопы на внешнее или на внутреннее ребро стопы, колени при этом присогнуты.

Женщины, танцуя, выполняют различные притопы, переступания, бег с поднятыми вверх-вперед коленями, быстрые вращения на месте и в продвижении. В ритмичных дробных выступиваниях женщины часто выставляют ногу на каблук в разные стороны, подбивают одну ногу другой. В руке они держат небольшой носовой платочек, а большой платок, который ниспадает с плеч, является красочным аксессуаром. Положение рук в танцах бывают различными: на поясе в кулачках, открытые в сторону, перекрещенные перед грудью; одна рука согнута в локте перед грудью (локоть отведен в сторону), а другая рука на поясе, либо обе руки опущены вниз.

Казачьи народные танцы, наравне с песнями, традициями, являются существенной частью национальной культуры региона. Можно выделить определенные характерные черты: удасть, мужественность, широту движений, чувство собственного достоинства мужского танца, пластичность, задор, легкость и, в тоже время, уверенность и особую стать во время исполнения женского танца. Из поколения в поколение, по драгоценным крупицам, как неотъемлемое культурное наследие, бережно передаются различные движения, композиционные рисунки, элементы костюма.

Мужские движения чаще всего отличаются темпераментом, они более широкие, амплитудные, руки часто «заложены» за ремень впереди, ладонь собрана в кулак, во время исполнения присядок обе руки раскрыты в стороны, или приподняты над головой, при этом танцующие ловко управляют шашкой или нагайкой. Нередкое явление - выход «вприсядку» на середину круга, часто используются притопы с высоким подниманием колена, ноги чуть присогнуты, исполняются либо ритмичные, в такт музыке, дробные выступивания, либо элементы фланкировки, различные трюковые элементы. У мужчин, как и у женщин, используется работа головы - с наклоном вниз с последующим подъемом вверх.

В традиционной песенно-танцевальной культуре донских казаков мы можем, с одной стороны, найти много схожего с фольклорными традициями южнорусских областей России и, отчасти, с культурой запорожских казаков, а, с другой стороны, выделить черты, присущие только донской казачьей культуре. Казачий танец, также как и другие виды народного творчества, развивался на протяжении всей истории казачества, пополняясь новым содержанием и отличительными выразительными средствами. В нем нашли свое отражение героизм борьбы и величие побед, задорная веселость, мягкий юмор и другие черты, присущие казачьему характеру.

Для фольклора донских казаков, как и в южнорусской культуре, очень характерны такие формы бытования, как плясовый хоровод, свадебные игры и обрядовые календарные празднества, насыщенные яркими напевами, особую роль в культуре казаков занимает яркая и необычайно мужественная пляска. Пляска в быту казака была не только развлечением, но и выполняла функцию обучения и тренировки военному мастерству.

Танец в казачью культуру включался на раннем этапе её существования. Танцевать, скакать на лошади, лихо управлять нагайкой и шашкой начинали учить мальчиков - будущих воинов с малого возраста, тем самым вырабатывались сила,

войинская сноровка, смекалка и выдумка. Воспитание через танец ритмической координации движений, ловкости было одной из важнейших функций танца казачьей культуры. Составляющие казачьей пляски элементы: фланкировка – умение владеть саблей, джигитовка – умение скакать на лошади и при этом выполнять различные сложные элементы. Казачьи танцы и игры всегда занимали важное место в системе традиционной физической культуры, так как в них заложены основные базовые движения для овладения двигательной культурой. Создавались они совсем не как развлечение, а как специфическая система игровой тренировки.

Донское казачество всегда являлось ярким образцом народной художественной культуры казачества России. В нём заложены, сформировались и продолжают развиваться уникальные традиции духовной и материальной народной

культуры, которыми всегда гордилась и отличалась особая этническая группа – Российское казачество.

Своеобразный казачий субэтнос Луганчины сформировался на стыке этнографических традиций украинской и русской культур, под влиянием традиций народов, проживающих в соседних областях Украины и Юга России. Этот народ особо окрашен героикой, мужеством, свободолюбием, почитанием старшества, удалью, т.е. теми чертами характера, которые определяют и отличают казачество как особую социальную группу коренного населения России. Культура донского казачества, к которому и относится казачество Луганчины, представляет большой интерес для этнографов, фольклористов как основа для дальнейшего сбора информации, сохранения, возрождения и популяризации традиций казачества.

-
1. Ефремов А.С. История Луганского края: Учебное пособие / А. С. Ефремов, В. С. Курило, И. Ю. Бровченко, А. А. Климов, К. И. Красильников, В. Ф. Семистяга, В. И. Подов. – Луганск: Альма-матер, 2003. – 432 с.
 2. Мельник В.І. Особливості народної хореографії Луганської області : навч.-метод. Пособник, В.І. Мельник. – Луганськ: ЛДІКМ. 2011. – 112 с.
 3. Яковлева Ю.К. Особенности формирования и развития демографических и этнокультурных процессов в Донбассе / Ю.К. Яковлева, И.А. Оносова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. – № 8 (183). – С. 164 – 169.

The article is devoted to the modern educational technologies that contribute to the formation of the professional qualities and the skills of the future specialists. In this paper, the concept of “the pedagogical technologies” is considered. Such kind of form of the distance learning as the Moodle system is described. The risks and prospects of using the digital technologies in teaching are analyzed.

Keywords: the modern educational technologies, the informational technologies, the form of education

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 393.05

Ю. Т. Лейбенсон

Иммиграция греков в Россию в XIX – начале XX века (по материалам некрополей Бахчисарая)

После исхода греков из Крыма в 1778 г. на полуострове формируется совершенно иная греческая община, состоящая лишь из немногих вернувшихся на родину – главным образом, греков, прибывших в Россию с Балканского полуострова, Малой Азии, островов Архипелага. Интересные сведения об исходных пунктах греческой эмиграции в Россию дает чтение epitafий на старых некрополях г. Бахчисарай.

Ключевые слова: некрополь, epitafии, крымские греки, греки России, Крымская война.

Греческое население фиксируется в Крыму с VII в. до н.э. Несмотря на сложности, с которыми столкнулись христианские общины после османского завоевания, на переселение христиан из Крыма в 1778 г. на территорию Приазовья и, наконец, на депортацию греков в 1944 г., можно сказать, что греки были в Крыму всегда, во все периоды его письменной истории.

Греческие памятники полуострова разнообразны и относятся к разным эпохам. Несомненно, что наиболее привлекательны для туристов античные города: Херсонес, Керкинида, Пантикопей, Нимфей. Устойчивой популярностью пользуются и «пещерные города»: наиболее вдумчивый турист запасается путеводителями, изданными специалистами-археологами [4; 6], откуда узнает, что население Мангупа, Эски-Кермена и других было сме-

шанным, но пользовалось исключительно греческой письменностью. При этом совершенно незаслуженно мы часто пренебрегаем периодом новой истории греков Крыма – после присоединения полуострова к Российской империи и до установления советской власти (1783–1920 гг.).

Об этом периоде можно узнать по коллекциям Этнографического музея (г. Симферополь) и музея Греческого культурно-этнографического центра «Карачоль» (с. Чернополье Белогорского района). Однако большинство памятников крымских греков XIX в. на сегодняшний день исследованы недостаточно и пребывают в туристическом забвении.

К таким памятникам относятся не только уцелевшие дома и разрушенные церкви в Горном Крыму. Богатейший историко-культурный и этнографический материал дают некрополи, сформировав-

шиеся в начале – середине XIX в. Формы памятников, районирование захоронений, эпитафии – это бесценные свидетельства состава греческой общины Крыма в новое время. Безусловно, не каждый подобный некрополь становится туристическим объектом. Однако сведения, которые можно извлечь из исследования памятников, могут и должны служить не только науке, но и ее популяризации.

Рассмотрим два некрополя XIX в. Это, пожалуй, самые известные (оба находятся в центре города!) кладбища, не собственно греческие, но на которых греческие памятники заметны и вполне репрезентативны. Находятся они в Бахчисарае – Первое гражданское (по ул. Партизанской) и некрополь в Русской слободке.

Памятники неоднократно привлекали внимание специалистов и любителей истории, однако никогда не были комплексно исследованы. Некрополем в Русской слободке плодотворно занималось Российское географическое общество. Оно выявило ценнейшие архивные документы о тех участниках Крымской войны, которые захоронены в братской могиле (с нее и начинало формироваться кладбище) [7]. Однако полного, исчерпывающего обзора и исследования всех памятников не проводил никто. Так и с Первым гражданским некрополем – в начале XX века две эпитафии представителей греческой общины (принадлежавшие Арабаджи и Хаджикову) опубликовал В. И. Чернопятов, в 1981 г. два замечательных греческих памятника исследовал А. Л. Якобсон, в 2016-2019 гг. поисковые и восстановительные работы провел В. Н. Борисов [3; 11; 12]. Нельзя умалять ценность работы двух последних исследователей, однако полного описания до сих пор никто не сделал.

В настоящем очерке, разумеется, также нет полного каталога всех эпитафий некрополей (выполнение такой задачи, по мнению автора, весьма полезно и может осуществиться в будущем). Сосредоточимся лишь на греческих памятниках, притом на тех эпитафиях, которые, как представляет-

ся, дают ценные и достаточно уникальные сведения – сведения об исходных пунктах эмиграции греков в Россию.

Свидетельства о греках-воинах, прибывших на русскую службу в конце XVIII – начале XIX в. содержатся даже в тех текстах, которые не называют прямо исходный пункт эмиграции. Это, к примеру, две надписи на Первом гражданском кладбище Бахчисарая.

Первая, расположенная на крестообразном надгробии, гласит:

INBI|NK KA|ENΩADE KYTETE O
ΔΟΥΛΟΣ ΤΟΥ|ΘΕΟΥ ANTONION TE-
NEΔ GΙΟΣ|ΠΡΑΠΟΡΙ 3 IKΟΣ ΤΟΥ ΓΡΕ-
ΚΙΚΟΥ|ΜΠΑΤΑΛΙΟΝΙΟΥ ΕΓΕΝΙΘΙ·
1797|ΓΕΝΑΡΙΟΥ 14 ΕΝΤΑΦΙΑΣΘΗ
15|ΤΟΥ Ε·1835 ΑΠΡΙΛΙΟΥ 25

Перевод: *И(исус) Н(азорей) Ц(арь)
И(удейский) побеждает. Здесь покоятся
раб Божий Антонион, Тенедов сын, пра-
порщик 3 роты Греческого батальона.
Родился в 1797 января 14. Погребен 15 в
г. 1835, апреля 25.*

Весьма примечателен язык эпитафии. Здесь предпринята попытка фонетической передачи слов «батальон» и «прапорщик». При этом подразделение батальона обозначено словом IKΟΣ (вероятно, от οίκος). Можно предположить, что имелась в виду 3-я рота: именно из трех рот состоял батальон до 1814 г., а в 1814 г. к нему была добавлена четвертая. Третья рота достаточно известна, она называлась «ротой Васильева» - в конце XVIII в. ее командовал Христофор Васильев, уроженец Мореи. Командир роты служил в Крыму в 1774 г., затем принимал участие в штурме Очакова, воевал в Польше и во Франции [1, с. 650]. Что же касается ранней истории греков на русской военной службе. Греческий («Албанский») пехотный полк появился в 1779 г. Его составили выходцы из Османской империи. До 1783 г. полк располагался в Керчи и Еникеле, с 1784 г. переведен в Балаклаву. В 1797 г. указом императора Павла I пехотный полк преобразован в Балаклавский Греческий пехотный

Рис. 1. Надгробие грека-участника Крымской войны на Первом гражданском некрополе Бахчисарая

батальон (3 роты, 396 человек) [5, с. 38–39]. В годы Крымской войны Балаклавский Греческий батальон участвовал во многих сражениях, оборонял Балаклаву и Южный берег Крыма. После Крымской войны, в 1859 г., батальон был расформирован [1, с. 656; 9; 10, с. 57–70].

Вернемся к надписи. Еще одно неясное место в ней – два числа: 15 и 25 в дате погребения, что могло быть вызвано ошибкой резчика. Фамилия Тенеди встречается также в эпитафии на одном из памятников в Русской слободке (младенец, умерший в конце XIX в.), это свидетельствует о том, что род прибывшего Антониона Тенеди (Тенеди) благополучно закрепился и продолжил в Крыму.

Во время Крымской войны в Греческом батальоне служил и Дмитрий Самнионин, эпитафия которого расположена также на крестообразном надгробии, но выполнена на русском языке: «Здесь покоится тѣло | Бала: баталіона редактор | Дмитрія сынъ Самніонинъ Іго | Ноября скончалось 1855 го: | Отъ рода Ему 25 годъ» (рис. 1). Сокращение «Бала», очевидно, от «Балаклавского». В ноябре 1855 г. никаких активных боевых действий в Крыму уже не велось, вероятно, греческий воин умер от ран в одном из госпиталей Бахчисарая.

Еще один памятник воину Греческого батальона (судя по дате смерти, он также принимал участие в Крымской войне)

указывает на его унтер-офицерское звание:

ΕΝΘΑДЕ ΚΗΤΕΤΑΙ | Ω ΔΟΥΛΟΣ ΤΟΥ ΘΕΟΥ ΚΟΖΜΑΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ ΝΗΣΙ | ΡΙΟΣ ΟΥΝΔΕΡ.ΟΦΙΚΝΑΛΟΣ | ΚΕ ΚΑΒΑΛΕΡΟΣ ΤΟΥ ΓΡΕΚΙΚΟΥ ΜΠΑΤΑΛΙΟΝΗΟΥ ΕΓΕΝΙΘΗ | 1833 ΝΟΕΜΒΡΗΟΥ 26 ΕΚΗΜΝΩΗ 1855 ΙΟΥΛΙΟΥ 14

Перевод: Здесь покоится Раб Божий Козма Дмитриевич Нисириос, унтер-офицер и кавалер Греческого батальона. Родился 26 ноября 1833. Упокоился 14 июля 1855.

«Послужные списки Балаклавских греков» дают возможность соотнесения фамилий погребенных на некрополях Бахчисарая и поступивших в конце XVIII в. на русскую службу.

Так, в них упоминаются сержанты Ставро и Засим Триандафил, служившие в 1770–90-х гг. и прибывшие с островов Архипелага (имеются в виду острова Эгейского моря – Спорады, Киклады, всего почти пять сотен островов; увы, часто в документе не указан конкретный остров) [8, с. 200, 204]. Памятник их вероятному родственнику – Пантелеимону Триандафилу установлен на кладбище в Русской слободке. Эпитафия не содержит даты, но судя по окружающим надгробиям, это последняя четверть XIX в.:

«ΜΕΘΗΜΟΝ ΘΕΟΣ| ΕΝΘΑДЕ Ε| ΕΝΗΡΕΙΝΗ| ΑΝΑΠΑΒΕΙ| ΤΡΗΝΑΤΑΦΗΛ| ΠΑΝΤΕΛΗΜΟΝ».

Перевод: С нами Бог. Здесь в мире упокоился Триандафил Пантелеимон.

Служащими Греческого батальона или членами их семей можно считать и похороненных на Первом гражданском кладбище Ксенофонта Кича и Илиаса Сотириса. Их эпитафии гласят:

«ΙΣ ΧΣ ΝΙ ΚΑ| Ω ΔΕ ΚΑΤΩΘΕΝ| ΚΕΙΤΕ Ο ΔΟΥΛΟΣ ΤΟΥ ΘΕ| ΗΛΙΑΣ| ΣΟΤΗΡΙΣ| 1821 ΜΑΙΟΥ».

Перевод: И(исус) Х(ристос) побеждает. Здесь (внизу) лежит раб Божий Илиас Сотирис, (умер) 1821, в мае.

*Рис. 2, 3. Первый гражданский некрополь Бахчисарая.
Надгробия Г. Кутунида и П. Феодоридиса. Современное состояние*

«На съмѣ месте покоится прахъ| Раба божия Ксенофонъ | Синъ Кича скончавшися 1860 окт[ября] 14 дня пожившего 40 лѣть».

В «Послужных списках» упоминаются сержант Христо Сотыри, капрал Дмитрий Сотыри, а также Димитрей Кичи. Они служили в последней трети XVIII в., происходили с островов Архипелага. Все они, за исключением Д. Сотыри, участвовали в сражениях Русско-турецкой войны 1787—1791 гг. [8, с. 220, 252, 287]. Есть основания предположить в них родственников, погребенных в Бахчисарае. Стоит отметить, что потомков семьи Кичи известно довольно много во второй половине XIX: сохранились 7 надгробий с фамилией Кичо/Кичев/КНТЗОY.

Некоторые тексты прямо говорят о месте рождения греческих иммигрантов.

На Первом гражданском некрополе расположены необычные по форме надгробия в форме крестово-купольных храмов. Эпитафии свидетельствуют о том, что памятники поставлены выходцам из Трапезунда в нач. XX века (Рис. 2, 3).

ГРΗΓΟΡΙΟΥ ΚΟΥΤΟΥΝΙΔΟΥ| ΕΝΟΡΙΑ ΑΒΛΙΑΝΑ| ΣΟΥΜΕΛΑ. ΑΠΟ ΝΟΜΩΝ ΤΡΑΠΕΖΟΥΝΤΟΣ| ΕΓΕΝΙΘΗΝ

6 ΑΥΓΟΥ 1900| ΑΠΕΒΙΩΣΕ 5 ΣΕΠΤΕΜΒΡΙΟΥ 1918.

Перевод: *Григория Кутунида из прихода Авалиана, из Сумели. Из области Трапезунда. Родился 6 авг. 1900 г. Скончался 5 сентября 1918 г. [12, р. 47].*

Ενθαδε| ΚΕΙΤΑΙ Ο ΔΟΥΛΟΣ| ΣΟΥ ΠΑΝΤΕΛΕΙΗΜΩΝ ΘΕΟΔΩΡΙΔΗΣ ΕΓΕΝΗΘΗ ΤΟ 1920 ΚΑΙ| ΑΠΕΘΑΝΕ ΤΟ 1924 ΑΥΓΟΥΣΤΟΥ 21| ΚΑΤΗΓΕΤΟ ΕΚ ΤΟ| ΝΟΜΟΥ ΤΡΑΠΕΖ| ΕΠΑΡΧΙΑΣ ΧΑΛΔΙΑΣ ΧΩΡΙΟΝ ΓΟΝΑ).

Перевод: *Здесь лежит раб Твой Пантелеймон Феодоридис. Родился в 1920 г. и умер в 1924 г. августа 21-го. Происходил из области Трапезунда, епархии Халдийской, из села Гона [12, р. 47].*

Именно эти памятники привлекли внимание историка-медиевиста А. Л. Якобсона, опубликовавшего их в 1981 г. и справедливо указавшего на то, что форма византийского крестово-купольного храма не является чем-то неожиданным для Крыма. К XIII в. относится подобное надгробие, найденное при исследовании «пещерного города» Эски-Кермен. Связи же с Трапезундом в Крыму фиксируются в середине XVIII в.: в с. Стиля (Лесниково) известны надписи о посещении этих мест

Рис. 4. Надгробие выходца из Трапезунда.
Кладбище в Русской слободке

в 1750–60-х гг., оставленные на стене греческой церкви иеромонахом Гервасием из монастыря Сумела (Трапезунд) [12, р. 46]. Добавим, что о колоритном выходце из Трапезунда, «оптимате» Чукорове, упоминал А. Л. Бертье-Делагард: Чукоров еще мальчишкой пришел на работу на табачных плантациях в Крым около середины XIX в., а в конце века уже владел собственными плантациями [2, с. 164].

Особенно интересен случай Пантелейиона Феодоридиса. Он родился в 1920 г. в Трапезунде, а умер в возрасте 4-х лет уже в Крыму. Что подвигло семью Феодоридисов в столь неспокойное время эмигрировать в Крым? В качестве предположения, высажем мысль, что это могло быть связано с турецким геноцидом греков в Понте.

Опубликовавший два «трапезундских» надгробия А. Л. Якобсон отчего-то не заметил (или не успел опубликовать) другие «трапезундские» эпитафии, а они располагаются неподалеку, на соседнем кладбище в Русской слободке.

Буквально у самого входа на некрополь установлено надгробие в виде стелы со ступенчатым навершием. Эпитафия вырезана высоким рельефом – един-

ственный подобный известный нам случай (Рис. 4):

ΕΝΘΑΔΕ ΚΙΤΕΤΕ Ο ΔΟΥΛΟΣ ΤΟΥ ΘΕΟΥ ΠΑΝΑΓΙΩΤΗΣ ΘΟΜΑ ΜΟΥΖΑΚΙΔΥ ΕΚ ΤΗΣ ΠΟΛΙΣ ΤΡΑΠΕΖΟΥΝΤΑΣ ΑΝΑΠΑΥΣΟΝ ΚΥΡΙΕ]

Перевод: *Здесь лежит раб Божий Панайот Фомич Музакиди из города Трапезунд. Упо[кой], Господи.*

Дата упокоения не указана. Судя по датировке соседних памятников участка, где расположено надгробие, его следует отнести к последней четверти XIX в.

Наполовину стёршаяся надпись на соседнем участке указывает, что умерший происходил из ЕК ΧΩΡΑΣ ΚΥΡ... ΤΗΣ ΤΡΑΠΕΖΟΥΝΤΑΣ – из района Кир... (в области) Трапезунда. Год погребения – 1917.

Помимо упоминания о Трапезунде, в эпитафиях указываются и иные родные места отправившихся в Россию греков – Македония и Хиос.

ΕΝΤΑΥΘΑ ΑΝΑΠΑΥΤΕ ΔΟΥΛΗ | ΤΟΥ ΘΕ ΜΑΡΙΑ ΣΤΕΦΟ ΑΠΟΛΑ | ΓΕΝΗΘΕΝΤΑ ΕΝ ΚΛΗΣΣΟΥΡΑ | ΤΗΣ ΜΑΚΕΔΟΝΙΑ | ΕΓΕΝΗΘΗ | 1818 | ΑΠΟΒΙΩΣΕ | 1918

Перевод: *Здесь упокоились раба Божья Мария Стефо-Атола. Рожденная в Клиссуре Македонской. Родилась в 1818. Умерла в 1908.*

Клиссура – деревня в Северной Македонии, основанная в XIX в., когда территория принадлежала Османской империи. Османской область оставалась на протяжении всей жизни Марии Стефо, переселившейся в российский Крым под защиту христианских императоров (Рис. 5).

ΞΕΝΟΣ ΕΝΤΑΥΘΑ ΚΕΙΜΑΙ | ΕΚ ΤΗΣ ΝΗΣΟΥ | ΧΙΟΥ ΕΙΜΑΙ | ΞΕΝΕ ΑΝΘΕΛΗΣ | ΤΟ ΟΝΟΜΑ ΜΟΥ | ΚΕΛΑΙΔΗΣ | ΒΛΑΤΑΣ ΕΙΜΑΙ | ΕΓΕΝ.1838 | ΑΠΕΒΙ.1918

Перевод: *Чужестранец здесь лежу я, с острова Хиос. Странник, коль желалешь (знать), имя мое – Келаидис Влатас я. Род. 1838. Ум. 1918.*

Хиос, который долгое время не удавалось освободить от османского владычества, отошел Греции в 1912 г. К сожале-

Рис. 5. Надгробие гречанки из Македонии.
Русская слободка

нию, мы не знаем, когда именно Властас (возможно, здесь ошибка, т.к. более распространена форма имени Властас – ошибки нередки в греческих эпитафиях XIX – начала XX в., как впрочем, и в синхронных русских) прибыл в Крым до перехода Хиоса грекам или позднее. Обстоятельства переезда этого дожившего до почтенных лет человека пока неизвестны, однако можно надеяться на последующие открытия среди архивных документов.

Заметим, что параллели указаниям на исходный пункт миграции в Крым в эпитафиях находятся не на синхронных христианских надгробиях, а в текстах эпитафий иудейских некрополей полуострова. Так, в эпитафиях второй полови-

ны XIX – первой четверти XX в. указано (на иврите или на русском языке), откуда происходили покойные: из Варшавы, из Росицы (Витебская губерния), из Новоизбкова, из Бердичева, «зъ Одесы»…

Итак, эпиграфические памятники бахчисарайских некрополей содержат ценные сведения о греческой эмиграции в Крым на протяжении значительного периода - с конца XVIII в. до 20-х гг. XX в. Это были греки, прибывающие на военную службу Российской империи, участвовавшие в войнах против Османской империи; экономические мигранты и, возможно, спасавшиеся в начале XX века от геноцида pontийские греки.

-
1. Араджиони М. А. Греки Крыма: к истории формирования общины в период позднего средневековья – нового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2007. Вып. XIII. С. 641–678.
 2. Бертье-Делагард А. Л. Керменчик – крымская глушь // Бертье-Делагард А. Л. Избранные труды по истории средневекового Крыма: в 3-х т. Т. III. Симферополь: «Доля», 2012. – С. 154–176.
 3. Борисов В. Н. Захоронения героев народного сопротивления немецко-румынской оккупации 1941–1944 годов и первой обороны г. Севастополя 1854–1855 годов на городском кладбище в г. Бахчисарае по ул. Партизанская (По материалам натурных и архивных исследований): в 2-х т. Бахчисарай, 2016. 31+65 с.
 4. Герцен А. Г. Мангуп: Путеводитель. Симферополь: СОННТ, 2017. 64 с.
 5. Греки России и Украины / Отв. ред. Ю. В. Иванова. СПб.: Алетейя, 2004. 624 с.
 6. Могаричев Ю. М. «Пещерные города» в Крыму. Симферополь: СОННТ, 2005. 192 с.
 7. Мозилова Н. Бессмертный полк императора Николая I: тысячи героев обороны Севастополя обрели свои имена // Сайт Российского географического общества. 4 апреля 2019.

URL: <https://www.rgo.ru/ru/article/bessmertnyy-polk-imperatora-nikolaya-i-tysyachi-geroev-oborony-sevastopolya-obreli-svoi>

8. Послужные списки Балаклавских греков. Избранные мат-лы из коллекции А. Ю. Донского // Греки и Россия, XVII - XX вв. / Сост. И. Николопулос; отв. ред. Г. Л. Арш. Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. С. 185–288.

9. Прокопенков В. Н. Развитие Севастополя и Черноморского флота в 1834 – 1851 гг. («Лазаревская эпоха» в истории Севастополя) // История Севастополя в 3-х т. Т. II. Севастополь в эпоху Российской империи. Конец XVIII века – 1917 г. М.: «ИстЛит», 2021. С. 309–317.

10. Пряхин Ю.Д. Некоторые аспекты появления в Крыму Греческого пехотного полка, его размещения в Балаклаве, службы воинов-греков // Греки Балаклавы и Севастополя. М.: Индрик, 2013. С. 57–70.

11. Чернопятов В. И. Некрополь Крымского полуострова. М.: Тип. Л. В. Пожидаевой, 1910. 313+VII с.

12. Yakobson A. L. A propos des relations entre les régions littorales au Nord et au Sud de la Mer Noire // *Bizantinoslavica*. 1981. T. XLII. Fasc. 1. P. 43–51.

The completely different Greek community was formed on the peninsula after the exodus of the Greeks from the Crimea in 1778. It consists of a few people who have returned to their homeland and, mainly, of Greeks who arrived in Russia from the Balkan Peninsula, the Asia Minor, and the islands of the Archipelago. The interesting information about the starting points of Greek emigration to Russia is given by reading the epitaphs on the old necropolises of Bakhchisarai.

Keywords: the necropolis, epitaphs, the Crimean Greeks, the Greeks of Russia, the Crimean War.

Условия публикации статей в электронном научном журнале «Таврические студии» и требования к оформлению рукописей

Электронный научный журнал «Таврические студии» публикует статьи по следующим отраслям науки: **искусствоведение; исторические науки; культурология.** Журнал включен в Российский Индекс Научного Цитирования (РИНЦ). Полнотекстовые выпуски журнала в свободном доступе размещены по адресу:

<https://kukiit.ru/nauka/ts/>

1. Условия публикации.

Редакция принимает ранее не опубликованные научные статьи докторов и кандидатов наук, аспирантов и соискателей, преподавателей высших учебных заведений и научных сотрудников. Статья не должна быть подана в другие научные журналы кроме настоящего. Текст должен быть тщательно выверен и отредактирован автором. При наличии большого количества опечаток, грамматических и стилистических ошибок редакция вправе не принимать рукопись к публикации. Языки публикации – русский, английский. Статьи направляются в редакцию в электронном или бумажном виде по адресам: nauka-kukiit@mail.ru или 295017, г. Симферополь, ул. Киевская, д. 39, каб. 25. Присланные материалы проходят процедуру внутреннего рецензирования и авторам не возвращаются.

Текст статьи должен быть оригинальным (не менее 80% уникального текста, проверка в ресурсах: eTXT Антиплагиат, <http://www.antiplagiat.ru>), ранее не публиковавшимся в сети Интернет, в печатных и электронных СМИ, сборниках. Аспиранты, соискатели и авторы, не имеющие учёной степени, представляют рецензию (бумажный вариант или сканкопию), полученную самим автором у специалиста соответствующего профиля (кандидата или доктора наук), с заверенной по месту работы подписью рецензента. Все статьи проходят процедуру рецензирования и утверждения Редакционной коллегией.

При поступлении в редакцию рукописи статьи производится её первичное рассмотрение и проверка на соответствие тематике и формальным требованиям издания (的独特性 текста, оформление, наличие обязательных структурных элементов). Если присланные материалы не отвечают хотя бы одному из перечисленных требований, если файл статьи заражен компьютерным вирусом, редакция информирует автора об отказе в публикации. Статья, успешно прошедшая проверку, направляется на отзыв рецензентам из состава редколлегии. Процедура рецензирования является анонимной и для рецензентов, и для автора. По результатам рецензирования статья может быть отклонена, направлена на доработку автору либо принята к печати, о чём редакция уведомляет автора по электронной почте. При получении положительного заключения рецензента статья помещается в «портфель» редакции для опубликования. Автору направляется соответствующее уведомление. При получении отрицательного заключения рецензента статья рассматривается на заседании рабочей группы редколлегии, которая принимает решение об отклонении статьи или о необходимости получения дополнительной рецензии независимого эксперта. В случае отклонения статьи автору направляется письмо-уведомление. Окончательное решение об опубликовании статьи и утверждение содержания номера принимается на заседании Редакционной коллегии. Статьи публикуются в порядке очерёдности.

2. Требования к рукописи

Отрасль науки, по которой написана статья (искусствоведение / исторические науки / культурология) – в левом углу.

Индекс УДК – в левом углу.

Сведения об авторе на русском и английском языке: фамилия, имя отчество автора (полностью); ученая степень и звание; должность; место работы (полное название без сокращений); SPIN-код в РИНЦ в формате: 3333-3333 (при наличии).

Телефон, адрес электронной почты.

Название статьи, малая аннотация (350-400 знаков с учётом пробелов), ключевые слова (8–12 слов) на русском языке.

Название статьи, малая аннотация (350-400 знаков с учётом пробелов), ключевые слова (8–12 слов) на английском языке.

Текст статьи (13 000–20 000 тыс. знаков с учётом пробелов).

Обязательные структурные элементы научной статьи: обоснование актуальности; постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными или практическими задачами; анализ последних исследований и публикаций, на которые опирается автор; выделение нерешённых ранее частей общей проблемы, которым посвящается предложенная статья; объект и предмет исследования; формулировка цели статьи и постановка задач; изложение основного материала исследования с обоснованием полученных научных результатов и с учётом научной новизны исследования; выводы по данному исследованию и перспективы дальнейшего изучения данного направления. Литература (строго в алфавитном порядке).

3. Требования к оформлению

Объём научной статьи должен составлять 13000–20000 знаков с пробелами (в данный объём не входят сведения об авторе, аннотации и ключевые слова); выше 20 000 только авторам-докторам наук; поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2 см, правое – 2 см; выравнивание – по ширине; абзацный отступ – 1,25 см; абзацы отмечаются функцией «Отступ», устанавливаемой с использованием опции «абзац» (не с помощью пробелов); интервал между абзацами обычный; гарнитура Times New Roman; кегль 14; межстрочный интервал 1,5; интервал между буквами – «Обычный» (без уплотнений и разрежений); буква ё пропечатывается, а не заменяется буквой е; не допускаются автоматические переносы, а также переносы, которые искажают смысл слова, переносы аббревиатуры, которые пишутся прописными буквами – ВАК.

Кавычки: типографские (« »), кавычки внутри цитат (“ ”); названия оригинальных музыкальных, литературных произведений, фильмов и т.п. приводятся обычным шрифтом, с прописной буквы, в кавычках. Жанровые названия – без кавычек. Порядковые номера симфоний, концертов, сонат даются словами (не цифрой). Обозначения опусов не отделяются от названия запятой. Например: Этюд h-moll оп. 4 № 3, Второй виолончельный концерт оп. 100. Иностранные термины, музыкальные обозначения на латинице выделяются курсивом (например, ritenuto, legato, C-dur, ff); инициалы даются полностью (как правило, двойные – у русских персон, одинарные или двойные – у иностранных) через неразрывные пробелы (комбинация клавиш Ctrl+Shift+пробел): С. В. Рахманинов, Й. Гайдн. Недопустимо отделение инициалов от фамилий. Придерживайтесь в оформлении единобразия в оформлении инициалов например: В. И. Петров, либо Петров В. И. Предпочтительно: В. И. Петров.

Даты обозначаются цифрами: века – римскими, годы и десятилетия – арабскими; при указании периода (десятилетия) следует указывать годы полностью, в формате 1920-1930-е гг. (вместо 20-30-е годы XX столетия); схемы, таблицы, фотографии, рисунки нумеруются и даются с названиями (подписями) или заголовками; таблицы,

схемы, диаграммы должны быть чёрно-белыми, без цветной заливки, допускается штриховка. Каждый рисунок должен быть пронумерован и подписан. Графические размеры таблиц и рисунков в тексте – 110 x 170. Название таблицы размещать слева над формой таблицы. Изложение таблицы начинается через 1,5 интервал от основного текста. Таблица располагается под текстом, в котором впервые дана ссылка на неё, или на следующей странице. Таблица должна быть выполнена только в книжной ориентации. Если таблица выходит за формат страницы, её делят на части, при этом в каждой части повторяют её заголовочную часть. Шрифт таблицы: 9,5 пт. Минимальный размер шрифта в таблице – 8 пт. Таблицы не должны превышать 11 см по ширине. Рисунки обязательно должны быть сгруппированы (то есть не должны «разваливаться» при перемещении и форматировании); подписи не должны быть частью рисунков; надписи и другие обозначения на графиках и рисунках должны быть чёткими и легко читаемыми; в тексте статьи обязательно должны содержаться ссылки на таблицы, рисунки, графики. Редакция не улучшает качества рисунков и не производит исправления ошибок, допущенных в рисунке. Рисунки, таблицы, схемы должны иметь порядковый номер, название и объяснение всех условных обозначений. Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. При обнаружении ошибок в рисунке, схеме, таблице редакция оставляет за собой право на удаление рисунка и текста, имеющего к нему отношение; иллюстрации, нотные примеры выполняются методом компьютерной графики или нотографии. Нотный пример должен сопровождаться информацией, расположенной в следующем порядке: слева – сквозная нумерация (пример № 1 и т. д.), справа – фамилия и инициалы автора, название произведения, его части и т. п. Сопроводительная информация набирается в редакторе MS Word, размер шрифта – 12.

Все выделения текста внутри цитат уточняются в круглых скобках: (курсив автора – Фамилия и инициалы) или (курсив мой – Фамилия и инициалы); страницы присланных материалов не нумеруются; электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением *.rtf, *.doc, *.docx; библиографические ссылки на использованные источники и примечания указываются в тексте статьи в квадратных скобках (например, [1], или [1, с. 56], или [1, с. 27–48]); в библиографический список (под заглавием Литература) рекомендуется включать только те источники, на которые есть ссылки в тексте статьи.

Список оформляется по ГОСТу Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание», при этом запятая после фамилии автора, перед инициалами не ставится. Список литературы формируется в алфавитном порядке, сначала русскоязычные, затем иноязычные источники, с обязательным указанием места и года издательства, количества страниц. Использование в списке литературы формулировки «Там же» не допустимо.

Сведения об авторах

Абрашкевичус Галина Александровна, кандидат культурологии, доцент кафедры философии, культурологии и гуманитарных дисциплин ГБОУВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Буткевич Сергей Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Крым, заместитель начальника Крымского филиала Краснодарского университета МВД России (по учебной и научной работе)

Гуляева Елена Олеговна, старший преподаватель кафедры хореографического искусства Луганской государственной академии культуры и искусств имени М. Матусовского

Ким Константин Романович, ассистент кафедры культурологии Астраханского государственного университета

Коноплёва Анна Алексеевна, кандидат философских наук, доцент, заместитель начальника кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

Лейбенсон Юлия Тарасовна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории и археологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»

Сazonова Вероника Александровна, аспирант кафедры культурологии Московского педагогического государственного университета

Слободянник Юлия Александровна, аспирант кафедры философии, культурологии и гуманитарных дисциплин ГБОУВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Текутьева Юлия Эдуардовна, аспирант кафедры философии, культурологии и гуманитарных дисциплин ГБОУВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Тропина Екатерина Анатольевна, старший преподаватель кафедры туризма ГБОУВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Шилина Виктория Алексеевна, аспирант, преподаватель кафедры философии, культурологии и гуманитарных дисциплин ГБОУВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Authors

Abrashkevichus Galina Alexandrovna, Candidate of Culturology, Associate Professor of the Department of Philosophy, Culturology and Humanitarian Disciplines, the Crimean University of Culture, Arts and Tourism

Butkevich Sergey Anatolievich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Crimea, Deputy Head of the Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for academic and scientific work)

Gulyaeva Elena Olegovna, Senior lecturer of the Choreographic Art Department of the Luhansk State Academy of Culture and Arts named after M. Matusovsky

Kim Konstantin Romanovich, Assistant of the Department of Cultural Studies, Astrakhan State University

Konopleva Anna Alekseevna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Leybenson Yulia Tarasovna, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of the Department of General History and Archeology of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky

Sazonova Veronika Aleksandrovna, Postgraduate student of the Department of Cultural Studies of the Moscow Pedagogical State University

Shilina Viktoria Alekseevna, Postgraduate student, Lecturer of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Humanities, the Crimean University of Culture, Arts and Tourism

Slobodianik Iulia Aleksandrovna, Postgraduate student of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Humanities, the Crimean University of Culture, Arts and Tourism

Tekuteva Yulia Eduardovna, Postgraduate student of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Humanities, the Crimean University of Culture, Arts and Tourism

Tropina Ekaterina Anatolyevna, Senior Lecturer of the Tourism Department, the Crimean University of Culture, Arts and Tourism

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ И ТУРИЗМА

<i>Г. А. Абрашкевичус</i>	
Визуальные коммуникации в экспозиционной работе музеев: перспективы и проблемы	4
<i>С. А. Буткевич</i>	
Предупреждение угроз ментальной безопасности (конструктивный и праксеологический подходы)	10
<i>А. А. Коноплёва</i>	
Семиотический анализ идиоматических выражений.....	18
<i>В. А. Сазонова</i>	
Охрана нематериального культурного наследия и формирование идентичности региона: точки соприкосновения и перспективные направления взаимодействия	23
<i>Ю. А. Слободянник</i>	
Роль Алупкинского дворцово-паркового ансамбля в формировании культурно-природного ландшафта Крыма	29
<i>Ю. Э. Текутьева</i>	
Взаимосвязь методов создания художественных произведений и сложности изображаемых образов	36
<i>Е. А. Тропина</i>	
Отдых и оздоровление детей в системе детского туризма России: анализ тенденций и перспективы дальнейшего развития	42
<i>В. А. Шилина</i>	
Музеи Крыма как культурный ресурс.....	48

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО ПОТЕНЦИАЛА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

K. P. Ким

- Развитие современных цифровых образовательных
технологий как новая форма обучения 54

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

E. O. Гуляева

- Особенности танцевальной культуры Луганщины 58

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ю. Т. Лейбенсон

- Иммиграция греков в Россию в XIX – начале XX века
(по материалам некрополей Бахчисарай) 64

- Условия публикации статей в электронном
научном журнале «Таврические студии»
и требования к оформлению рукописей 71

- Сведения об авторах 74

- Authors 75

Научное издание

ТАВРИЧЕСКИЕ СТУДИИ

№ 27 (2021)

Технический и художественный
редактор *E. B. Мажарова*
Вёрстка *E. C. Смоленцева*

Подписано к печати 22.12.2021
Формат 189x283. Усл. печ. л. 9,07
Тираж 50 экз.

Издательство «Антиква»
295000, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пер. Героев Аджимушкай 6, оф. 3,
тел. : +79788913701 e-mail: antikva07@mail.ru

Типография ИП Гальцовой Н. А.
Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пгт Аграрное, ул. Парковая, 7, кв. 908